

КИРА ОЛЛИС

ЭФФЕКТ ДОМИНО.
Падение

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кира Оллис

Эффект домино. Падение

«Автор»

2023

Оллис К.

Эффект домино. Падение / К. Оллис — «Автор», 2023

Брайан – сотрудник Агентства национальной безопасности, вот уже три года внедрённый в крупную преступную группировку Калифорнии. Любой член мафиозной семьи рано или поздно должен пройти испытание на верность, и глава клана поручает ему убить дочь своего конкурента. Вот только этой девушкой оказывается Кассандра, первая любовь Брайана, которая предала его восемь лет назад. И у него всего два варианта: провалить всю операцию, чтобы спасти её, или уничтожить так, как однажды поступила с ним она. ДИЛОГИЯ. КНИГА ПЕРВАЯ

© Оллис К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ 1 ПРОШЛОЕ, БОЛЬШЕ ВОСЬМИ ЛЕТ НАЗАД...	8
ГЛАВА 1 ВЫБОР	8
ГЛАВА 2 ЛИНИЯ СУДЬБЫ	11
ГЛАВА 3 КРАСИВЫЙ ЯЗЫК	16
ГЛАВА 4 ДОЛГ ЧЕСТИ	20
ГЛАВА 5 ЖУЛИКИ	25
ГЛАВА 6 Я У ТВОИХ НОГ	28
ГЛАВА 7 ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ – ГРУСТНЫЙ ПРАЗДНИК	33
ГЛАВА 8 ОРЁЛ И ЯСТРЕБ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кира Оллис

Эффект домино. Падение

ПРОЛОГ

НАСТОЯЩЕЕ

*Кто сражается с чудовищами,
тому следует остерегаться, чтобы
самому при этом не стать чудовищем.
(Ф. Ницше)*

Брайан

– Ну и рожа... – усмехнувшись своему отражению в зеркале, склоняюсь над раковиной и плещу себе в лицо очередную порцию ледяной воды, чтобы хотя бы снаружи выглядеть не таким ничтожным, каким я себя чувствую внутри.

Вчерашнее сборище головорезов, среди которых был и ваш покорный слуга, больше походило на оргию, чем празднование дня рождения Папы. Машинально кривлюсь, вспоминая его отеческие похлопывания по плечу в знак одобрения за проворачивание очередного грязного дельца. Меня накрывает рвотный рефлекс каждый раз, когда я вынужден произносить слово «папа» не по прямому назначению.

Прости, отец. Надеюсь, ты будешь мной гордиться.

Когда-нибудь. Там.

Чересчур долго полощу рот, как будто это поможет очистить мои мысли, и усердно намыливаю руки, чтобы смыть с них невидимый слой грязи, в которой я барахтаюсь по собственной воле.

Опираюсь на край раковины и опускаю равнодушный взгляд вниз, когда на мой живот по-хозяйски укладываются ладони с умелыми пальцами Ханны. Она – мой бонус за времяпровождение в одном из самых могущественных преступных кланов Калифорнии, а ещё она – дочь Папы, иметь которую – особый вид удовольствия. И под «иметь» я имею в виду не только наши постельные аттракционы, во время которых меня не покидает чувство, что я – герой «Шоу Трумана¹». Каждый раз, когда она пытается изогнуться в выгодном для неё ракурсе или артистично стонать в лучших традициях порнофильмов, я так и жду, что за спиной раздастся: «Стоп. Снято!».

Всё здесь фальшивое, как и я сам, но цель оправдывает средства. За три года я привык. Вся моя жизнь после двадцати стала выглядеть, как восхождение на Эверест: изнуряюще, сложно, местами болезненно, иногда с потерями членов своей команды, но, когда вскарабкиваешься на вершину, понимаешь, что оно того стоило. Ради этого я и живу.

Перехватываю ладонь девушки в тот момент, когда она ныряет за резинку моих трусов. Встречаюсь с её озадаченным взглядом в зеркале и поясняю свой жест:

– Опаздываю на встречу с твоим отцом.

– Брай, да брось. После вчерашнего он наверняка будет отсыпаться до обеда, – томно шепчет Ханна и, обдав мою спину горячим дыханием, начинает искусно вырисовывать на ней языком карту Европы, не иначе.

¹ Одноимённый фильм с Джимом Керри в главной роли. Его герой обнаруживает, что он – участник реалити-шоу.

Я не железный. Секс с этой симпатичной малышкой довольно неплох, и утренняя разрядка мне бы сейчас точно не повредила, но я и правда тороплюсь. Меня разбудил звонок Генри Купера, подручного Папы. А если звонит он лично, значит случилась какая-то хрень.

Целую каждый её пальчик по отдельности, нацепив тот вид многообещающей улыбки, который на неё действует безотказно. Уверен, в её умной головке уже вертится план по моему окольцеванию. Этому не бывать, но знать ей об этом совсем необязательно.

Пока Ханна нежится в пене с ароматом, сводящим мои скулы, достаю из тайника секретный телефон, вставляю сим-карту, спрятанную в кулоне с ликом Богородицы на моей шее, и отправляю нужному адресату традиционное SMS, без которого через двадцать четыре часа моё имя тотчас вычеркнут из списка сотрудников, а заодно сотрут всю мою биографию в целях безопасности страны, и я стану никем. Призраком. Такова моя жизнь. И я осознавал, на что иду, когда принимал присягу и ставил свою подпись в контракте.

Хватаю с вешалки первую попавшуюся рубашку и бежевые брюки, отключаю все глушилки прослушки и скрытых камер, чтобы в доме даже муха не пролетела без моего ведома, и спешу в гараж к ещё одному бонусу, который я заработал потом и кровью, находясь в подчинении Папы. Серебристый спорткар Porsche – моя награда за то, что я спас жизнь этому ублюдку. Разумеется, всё было мастерски подстроено моими ребятами.

Пока всё шло согласно плану, но я чувствую задним местом, что глава мне не доверяет. Не просто так он поощряет наши отношения с его любимой услужливой дочуркой. «Держи друзей близко, а врагов ещё ближе» – думаю, это изречение чётко отражает суть происходящего. А это значит только одно: рано или поздно я должен буду пройти испытание, чтобы доказать свою преданность семье².

Ларри Робертс, он же Папа, он же Дон на манер итальянской мафии, он же садист и беспринципный ублюдок проживает на вилле, ограждённой забором, через который смогла бы перепрыгнуть лишь блоха, если бы она была размером с человека. Утрирую, конечно, но охрана у него покруче, чем у президента. Возле основного и заднего входа по два вооружённых охранника, ночью территорию охраняют злобные суки. И я сейчас не матерюсь. Четыре питбулихи в своём вольере уже выстроились в шеренгу при виде меня. Приспускаю солнечные очки и подмигиваю той, что с рыком скалит зубы, брызжа слюной. У нас с ней взаимная «любовь».

Как обычно, при входе в дом меня прощупывают. Стандартная процедура для любого посетителя этого поместья, за исключением одного человека – дочери главы. Дверь в кабинет мне учтиво открывает местный швейцар.

– Приветствую, – войдя внутрь, прикладываю правую ладонь к груди и слегка киваю, глядя в глаза Робертсу.

Тщеславный подонок ввёл этот ритуал для всех подчинённых, независимо от статуса. А обращение «папа» вместо «дон» – его очередные понты, чтобы быть непохожим на боссов остальных преступных семей американской мафии. Может себе позволить внутри клана.

– Садись, – выдохнув плотную струю дыма, откладывает свою сигару в пепельницу, – у меня есть к тебе одно дело, и оно не терпит отлагательств.

– Я весь внимание, – усаживаюсь в кресло напротив и принимаю сосредоточенный вид.

– Хоук, чем меньше людей будет участвовать, тем лучше. Знаешь ведь, как я не люблю длинные языки, – и изображает двумя пальцами ножницы, мерзко ухмыляясь. Одному Богу известно, сколько языков он уже отрезал. Или приказал отрезать.

– Понимаю. Выберу проверенных. Что от меня нужно?

– Убрать дочь одного упыря, перешедшего мне дорогу. Слышал про казино «Кингс»?

² Под «семьёй» здесь имеется в виду преступная семья, мафиозная ассоциация. Папа – «отец», главарь семьи.

Молча киваю, а внутри начинает всё гореть, пока в голове, как в центрифуге, вертятся слова «убрать дочь». Вот оно. Испытание, о котором я думал. Не буди лихо, пока оно тихо. Я не мог подумать о чём-то прекрасном? Прибегать к программе защиты свидетелей, чтобы уберечь невинного ребёнка, сейчас проблематично.

– Его владелец вышел пару лет назад по УДО и сразу начал собирать вокруг себя шайку. Поначалу он казался мелкой сошкой, даже отстёгивал нам процент. Но теперь он совсем берега попутал: крышует мелких бандитов, организывает партии, о которых нам не сообщает. А теперь открывает сеть казино, прибыль которых уже начинает догонять нашу. Нужно показать ему, кто из нас здесь хозяин, – ткнув в себя большим пальцем, Ларри лезет в ящик стола и достаёт оттуда фотографию, которую подталкивает мне. – Это будет нашим ответом.

Твою же мать... Делаю над собой невероятное усилие, чтобы сохранить равнодушную мину при виде снимка.

Перевожу взгляд с красивого лица улыбающейся Кассандры на отвратную бородатую физиономию Робертса, который внимательно следит за моей реакцией. Или у меня началась внезапная мания преследования? Таких совпадений просто не бывает. Не бывает, чёрт возьми! Дон на меня что-то нарыл? Не может быть. Это просто исключено.

Тогда какого чёрта этой дочерью оказалась именно она?

Та, которую я вычеркнул из своей жизни восемь лет назад.

Та, что предала меня.

Та, для которой я когда-то был готов сделать всё. Абсолютно всё.

А теперь должен сделать то, что хотел тогда больше всего на свете: убить.

ЧАСТЬ 1 ПРОШЛОЕ, БОЛЬШЕ ВОСЬМИ ЛЕТ НАЗАД...

ГЛАВА 1 ВЫБОР

Кассандра

– Доченька, просыпайся. Будет некрасиво, если ты опоздаешь в школу в первый же день, – мама шепчет мне эти слова прямо в ухо и закрепляет их поцелуем в щеку.

– Мам, ну можно ещё чуть-чуть? Я не спала пол ночи из-за папиных дружков, – канючу, уткнувшись лицом в подушку.

Услышав виноватый вздох мамы, тут же жалею о своей мелочной жалобе. Если я не спала пол ночи, то она и вовсе не сомкнула глаз, опасаясь, что эти алкоголики и наркоманы вынесут из дома что-нибудь ценное. Хотя всё, что можно, уже и так было вынесено. Из самого ценного в этом доме – золотой зуб во рту моего папаши.

Когда я получила стипендию за первое место в Президентской олимпиаде, первым делом приобрела новый прочный замок для двери своей комнаты, потому что ветхий шпингалет, обеспечивающий мою защиту, однажды выломал какой-то обдолбанный кретин. С тех пор, как я его огрела тяжеленным кубком по голове, он у нас больше не появлялся.

Вторым делом я купила новую форму для элитной школы «Монтгомери», в которую я перевелась благодаря своим достижениям в учёбе. Это заведение – мой входной билет в будущее: светлое, безоблачное, без запаха перегара и канализации и... без отца. Потому что с некоторых пор я его ненавижу. Моё главное желание – увезти себя и маму подальше от того притона, на который стал похож наш дом в Южном Лос-Анджелесе.

Пока я торопливо поглощаю хлопья с молоком, мама заплетает мне французскую косу, пытаюсь сотворить из меня приличную ученицу выпускного класса. В одном газетном киоске ей попала на глаза обложка светского журнала, на которой красовалась дочь вице-президента в школьной форме, и она почему-то решила, что я должна стать её клоном. Не то, чтобы я возражала. Мои волосы длиной до поясницы мне все равно начали сильно мешать.

– Миранда! – со стороны спальни раздаётся прокуренный голос отца. – Миранда, принеси воды!

– Мам, – оборачиваюсь к ней и хватаю за руку, потому что она уже ринулась к крану, чтобы исполнить его приказ. – Не ходи к нему. Пусть поднимет свою ленивую задницу и нальёт себе сам.

– Милая, – мама стыдливо опускает взгляд в пол. – Ты же знаешь, что будет, если я послушаюсь.

Сжимаю губы и багровею от ярости, причём на всех сразу: на отца за то, что он катится по наклонной, на маму за то, что она позволяет превращать себя в безвольную рабыню, и на себя. За то, что я пока ничем ей не могу помочь. Я даже защитить её толком не могу! Один раз во время драки родителей я влезла между ними в надежде, что стану для отца тем красным знаком «Стоп», который его остановит. Вместо этого я получила кулаком в глаз. Причём такой силы, что я на какое-то время отключилась.

– Я сама отнесу ему воду. Соберись на работу.

Взяв самую большую кружку, наполняю её холодной водой. Открыв дверь отцовской спальни, зажимаю нос двумя пальцами, чтобы меня не вытошнило от зловония, и подхожу к жалкой туше, развалившейся на неразложенном диване. Мой родитель лежит с закрытыми глазами, чуть прикрыв их локтевым сгибом, и постанывает от похмелья.

– С добрым утром, папочка, – и с садистским удовольствием выливаю на него содержимое кружки.

Брайан

Утро не задалось с самого начала, а всё из-за новостей по ящику. В Ираке разворачиваются масштабные боевые действия, и мне пришлось отпаивать мать успокоительными, потому что мой старший брат сейчас там, в адовом пекле войны. Что до меня, то я абсолютно спокоен. Уверен в Максе, как ни в ком другом. Даже больше того: мечтаю пойти по его стопам после колледжа. Но только когда он вернётся оттуда, а то родителей точно инфаркт хватит.

– Брайан, подбросишь меня до школы? – младшая сестра Глория вырастает передо мной, когда до двери остаётся пара метров. Успела, козявка.

Не могу не ухмыльнуться при виде её накрашенных глаз. Опять стащила у мамы косметику, чтобы выглядеть старше своих двенадцати, ведь мы оба знаем причину, по которой она просится со мной в тачку. Имя этой причины – Дэн О’Доннелл, мой друг и одноклассник, с которым мы вместе добираемся до «Монтгомери». Она вертит мной, как хочет, потому что знает, что уступлю. А я позволяю собой вертеть только по одной причине: все мои друзья в курсе, что я им переломала все кости, если хоть один притронется к мелкой.

По пути в школу у моей Тойоты, подаренной отцом, появляется «прицеп». Моника Круз ни в какую не оставляет попыток добиться моего внимания и прибегает к всяческим уловкам, которые она наверняка считает «рабочими». Только адресом она ошиблась. У меня есть правило: никаких отношений с одноклассниками. Я в принципе ещё слишком молод для всей этой чепухи со свиданиями и обязательствами, а наблюдать весь выпускной класс за щенячьим взглядом брошенки – так себе удовольствие. Поэтому, если она дрожащим голосом сообщает о том, что проспала, и умоляет подвезти, я просто подвожу. Я же не конченный мудака, в самом деле.

Паркуюсь на своём привычном месте и только собираюсь вытащить ключ из замка зажигания, как слышу присвистывание Дэна:

– Вот тебе на!

Смотрю в ту же сторону, чтобы понять, что его так удивило, и мой взгляд сразу врезается в неё. Смуглую шатенку, одетую в странный костюм с юбкой такой длины, будто она боится засветить свои трусики, пока поднимается по лестнице. Удивиться действительно есть чему: все ученицы «Монтгомери» уже давно забили на форму, и одеваются, кто во что горазд, лишь бы продемонстрировать толщину кошелька своих родителей, а она напоминает школьницу из женского пансиона с религиозным уклоном. Ещё коса эта. Сейчас вообще носят такие причёски?

– Фу, что за нищесбродка, – брезгливо фыркает Моника, сидящая за моей спиной.

– Ничего ты не понимаешь, Мон. Чем больше на девчонке одежды, тем сильнее желание её снять, – как-то многозначительно улыбается мой друг, вызывая во мне незнакомое противоречивое чувство: с одной стороны хочется ему поддакнуть, а с другой – врезать. С чего бы?

– Поживее вытаскивайте свои задницы из тачки! – гаркаю я чересчур грубо, удивляя самого себя.

Порываюсь выйти следом, но взгляд сам по себе возвращается к обладательнице невероятных ножек, которые не может скрыть даже это монашеское одеяние. Кто она такая, чёрт возьми?

Ответ я получаю уже на первом уроке, когда она заходит к нам в класс вместе с директором Фрэнсис О’Доннелл, матерью Дэна. Учитель математики мистер Джобс прерывает свой монолог, чтобы поздороваться, как я уже догадался, с нашей новой одноклассницей, и представить её нам. Занятно... Откидываюсь на спинку стула и, пользуясь тем, что сижу на заднем ряду, начинаю нагло рассматривать девушку. Идеальная осанка, гордо расправленные плечи и

слегка вздёрнутый носик могут сказать о многом. Например, о том, что её ни капли не волнует непохожесть на остальных.

И я бы и дальше продолжал невозмутимо оценивать её внешность, если бы она не сделала то, что заставило ручку в моих пальцах зависнуть в воздухе, так и не коснувшись поверхности стола: она улыбнулась. Она просто, мать его, улыбнулась! Более того, не мне. Это вообще нормально, что у меня чувство, будто я увидел тройную радугу после затяжного дождя? А ведь я никогда её не видел. Просто Глория всю дорогу до своей школы жужжала мне в ухо про это чудо природы, которое она вчера наблюдала из окна своей комнаты. *«Брайан, если бы ты её увидел, ты бы охренел!»*

Я охренел, вот уж правда. Нервно сглатываю, пугаясь своих спутанных мыслей. П***ц, я с ней даже не говорил. Может у неё скрипучий голос, или от неё разит потом, а я думаю о каких-то радугах. Мысленно переkreщаюсь, надеясь на то, что эта девчонка сядет подальше от меня.

– ... Кассандра Агилар, – доносится до меня конец речи Фрэнсис, потому что я прослушал на хрен всё, о чём она говорила до этого.

Прекрасно. Она ещё и мексиканка? С виду не скажешь. Разве что смуглый цвет кожи и тёмные брови. На этом всё.

– Садись рядом с Кроу, – машет в мою сторону математик.

Это что, сраная насмешка судьбы?

– Нет-нет, мистер Джобс. Я всегда сижу один, – предпринимаю попытку отвертеться от незваной соседки, но, когда я встречаюсь с прищуренным взглядом новенькой, вся моя бравада куда-то улетучивается, вынуждая меня даже поёрзать на стуле.

Улыбка вмиг сходит с её лица, и, повернувшись к учителю, она смело спрашивает, как на зло, мелодичным голосом:

– Можно я сяду туда? – и показывает пальцем на место рядом с Дэном.

Мы оба – негласные лидеры класса, и сидеть в одиночестве, избавляя себя от трения плечом об плечо – привилегия, а не отшельничество.

– Я передумал, – мой речевой аппарат, похоже, решил жить собственной жизнью, не совещаясь с мозгом. – О’Доннелл – мой друг. Так и быть, принесу себя в жертву.

Что я несу? Я – дебил?

В ответ я заслуженно получаю гневный взгляд Кассандры.

– Пусть она сама выберет, – добивает меня Дэн.

Весь класс оборачивается в нашу сторону, недоумевая. *Да, ребят, я сам выпал в осадок.* Девчонка, тем временем, уверенной походкой направляется в нашу сторону, не откладывая свой выбор в долгий ящик.

Кого она выберет: меня или его, его или меня? Наши столы разделены проходом, поэтому я не понимаю, к кому она идёт. За пару метров до нас Кассандра вперивает в меня свой колючий карий взгляд. Даже отсюда я рассмотрел цвет её лисьих глаз. Колдовской, манящий. Я не могу оторваться от них, как приворожённый. Почему она так на меня смотрит? Всё-таки выбрала меня? Торжествуя улыбаюсь, в мыслях напяливая на себя лавровый венок победителя. Вот только, поравнявшись со мной, она дерзко ухмыляется и садится рядом с Дэном.

М-да, Брайан, тебя уделала девчонка.

И что я там вякал про её голос и запах? Даже тут она не оправдала моих ожиданий. Тёплая корица. Именно её я почувствовал вместе с дуновением воздуха от взмаха косы, которую эта колдунья перекинула через своё плечо, едва не хлестанув ей по моему лицу.

Кажется, я попал.

ГЛАВА 2 ЛИНИЯ СУДЬБЫ

Брайан

– Брайан, ты хотя бы слушаешь меня?

Последние десять минут вездесущая Моника что-то щебетала мне на ухо, но эти звуки пролетали через мою голову сквозняком и благополучно рассеивались в окружающем пространстве. Всё, на чём я сосредоточился сейчас, находится через три стола от меня.

– М? – всё, что могу выдать из себя для поддержания диалога, сделав вид, что жую круассан. Я даже вкуса его не чувствую. Что за чертовщина со мной творится?

– Я спросила, какие у тебя планы на вечер?

Планирую последить за своим «наваждением». Но вслух, само собой, произношу не это:

– Буду готовиться к проекту.

– В пятницу вечером? – Моника прикладывает свою прохладную ладонь к моему лбу. – Ты не заболел?

В этот момент «наваждение» бросает взгляд в нашу сторону и, увидев, что я смотрю на неё, тут же снова утыкается в свою книжку. Действительно, чем ещё заниматься, пока остальные одноклассники уминают деликатесы со своих тарелок... Я заметил, что на обед Кассандра неизменно берёт овощной салат и яблочный сок. Самые дешёвые позиции в меню нашей школьной столовки. И я не могу понять, от чего внутри так сильно корёжит в такие моменты. От того, что она каждый раз несёт свой полупустой поднос с таким видом, будто на нём каре из ягнёнка, или от того, что мне безумно хочется её накормить?

А, может, от того, что мой дружище Дэн в эту самую секунду подкатывает к ней свои репродуктивные органы? Уже две недели я сам на себя не похож, и меня это чертовски бесит!

– Тебе тоже не мешало бы вспомнить, что голова нужна не только для того, чтобы наращивать на неё волосы, – хамлю ей вполне осознанно, потому что надоела.

Все надоели!

Нервно подхватываю свой рюкзак с пола и марширую на выход специально мимо проклятого столика, со стороны которого с минуту назад раздавался каркающий смех моего одноклассника. Лучше бы едой её угостил. Почему он стал меня так раздражать?

– Дэн, я сваливаю. Ты со мной или на автобусе поедешь? – первая часть моего вопроса намеренно звучит в утвердительной интонации. Мне нужно, чтобы он отказал.

Парень прищуривается, явно чуя подвох в моём петушином поведении. На Агилар я не смотрю. Она точно меня околдовала или сглазила. Больше ничем не объяснить то мистическое притяжение, которое я испытываю при виде неё. Глория как-то рассказывала об этой херне, а я не верил. Дурак!

– Нет, сегодня, пожалуй, прокачусь с Сандрой, – ухмыляющийся придурок подмигивает ей, и я всё же не выдерживаю. Смотрю на девушку, чтобы оценить её реакцию на Дэна.

Кассандра удивлённо взирает на него, откладывая книгу, на потрёпанной обложке которой узнаю название: «451 градус по Фаренгейту». Она решила меня добить? Да ну на хрен! Наверняка, у неё просто нет смартфона, иначе листала бы сейчас ленту в соцсети или читала бесконечные комментарии в женских чатиках. Чтение классики в моей школе, кажется, вымерло вместе с динозаврами.

– О’Доннелл, я всё равно после школы не домой, – улавливаю в её голосе лёгкое раздражение.

Или мне так хочется думать?

– Так я тоже не спешу, – упорство друга меня поражает.

Чувствую себя третьим лишним в этой чёртовой голубятне с воркующими голубками, поэтому прощаюсь с ними, небрежно махнув рукой, и отчаливаю на парковку.

Хочу как можно скорее покончить с этой дьявольщиной. Мне надо узнать о Кассандре что-нибудь неприглядное. Хотя что-то, что отвернёт меня от неё. Не знаю, что это может быть. Участие в секте? Проституция? Торговля наркотиками? Курение? Да, пожалуй, такие вещи смогли бы отрезвить меня.

Незаметно следуя за школьным автобусом, сканирую всех выходящих из него людей. Наконец, Кассандра с неугомонным Дэном выходят в районе Калвер-Сити недалеко от Южного Лос-Анджелеса. Что ей понадобилось в этом районе? По слухам, здесь выстрелы слышны чаще, чем пение птиц. Они несколько минут стоят на тротуаре и о чём-то говорят. Агилар, при этом, то и дело озирается по сторонам, словно боится, что её здесь увидят. Или увидят в компании парня. Дэн, в конце концов, ловит такси и сваливает. Да неужели!

Девушка сразу ускоряет шаг и скрывается за углом, а я продолжаю stalking, как одержимый маньяк. Кто узнал бы, оборжался. Сворачиваю вслед за ней, но нигде не вижу её хрупкую фигуру. Неужели упустил? Торможу в ближайшем кармане и оглядываюсь по сторонам. Довольно убогий переулочек с многоквартирными домами тусклой расцветки, на первых этажах которых расположены такие же убогие парикмахерские, тату-салоны и несколько кофеен.

В глаза бросается мигающая вывеска «Сладкие булочки». Рядом с ней висит плакат, на котором запечатлены аппетитные булочки, не имеющие никакого отношения к выпечке. Но интересно даже не это. Через стекло этой кофейни замечая Кассандру, беседующую с каким-то грузным мужиком прямо на пороге. Он интенсивно машет руками, явно выражая своё возмущение, а она спокойно смотрит на него без тени смущения или боязни.

В голове каруселью вертятся десятки вариантов присутствия здесь девчонки, но как только этот шакал начинает по-хамски дёргать за лямку рюкзака, висящего на её плече, выхожу из машины и двигаюсь в их направлении, не раздумывая о возможных последствиях. Когда приближаюсь к стеклянной двери, недоумок уже хватается Кассандру за длинную косу, дёргая так, что её голова резко поворачивается под неестественным углом.

Уже через секунду мой тяжёлый кулак врежется в нос мужика. Слышу характерный хруст сломанной носовой перегородки, сопровождаемый сдавленным не то хрипом, не то стоном этого упыря. Загораживаю собой Кассандру, успев заметить, как её розовые губки сложились в безмолвную букву «О» при моём неожиданном появлении.

– Ты... ты... – от неожиданности потливый жирдяй, наверное, забыл английский. – Да ты что себе позволяешь, щенок? – прогундосив сомнительную угрозу, он достаёт из кармана носовой платок и принимается подтирать кровь, хлещущую из ноздрей.

Мы стоим в тамбуре заведения, и никто из немногих посетителей не обращает на нас никакого внимания.

– Ещё хоть раз притронешься к ней своими конечностями, – толкаю в грудь мужика, чтобы он отступил подальше от девчонки, – вырву их к чертям собачьим! – последнее цежу сквозь зубы, грозно нависая над ним.

– Брайан, остановись! – Кассандра хватается меня за руку.

Кажется, она впервые назвала меня по имени. Не реагирую на её попытки влезть в мужские разборки. Вместо этого хватаю козла за воротник рубашки и с силой дёргаю вверх так, что он привстаёт на носки несмотря на приличную разницу в весовой категории. И это, без всяких сомнений, возымело на него нужный эффект.

– Не притронусь, – выдавливаю из себя, пугливо озираясь глазёнками в поисках помощи. – Пусть отдаёт мне двести баксов и пиз***ет на все четыре стороны! – и выглянув из-за моего плеча, добавляет уже Кассандре: – Ты уволена, сука!

Ну не дебил, а? Я ведь только планировал его спокойно отпустить. За оскорбление он получает от меня удар под дых, вынуждающий его скрючиться от боли и нехватки воздуха. Отшвыриваю тушу к стене, достаю портмоне и, отсчитав две зелёные купюры с изображением Бенджамина Франклина, швыряю в него.

Обернувшись, сталкиваюсь с гневным взглядом одноклассницы. Не благодарным, не растерянным, а *гневным*. И её гнев направлен явно на меня. Моя бровь невольно взлетает вверх от удивления. Это всё, что я заслужил? Беру её под локоть и молча вывожу на улицу под проклятия, летящие нам в спину.

Кассандра

Чуть ранее...

Я уже не знаю, куда скрыться от преследующего меня О’Доннелла. Может, он поспорил со своим другом в духе «кто первый угадает цвет её лифчика?» Что за интерес к моей личности, не понимаю?

Я и так за последнюю неделю вся измучилась, заставляя себя концентрироваться на получении знаний, а не на том, что в метре от меня сидит парень, без стеснения испепеляющий мой профиль. Изо всех сил делаю вид, что меня не колышет его внимание, но не получается. Есть в нём что-то такое... Противоречивое? Неоднозначное? Я даже не могу найти в своём далеко небедном лексиконе подходящего слова, чтобы описать Брайана.

С виду типичный мажор, к которому одноклассницы липнут, как мошकारа к мухоловке. Его не по годам мускулистое тело наводит на мысль, что он профессионально занимается каким-то спортом. Модная стрижка с выбритыми полосками, мужественные черты лица, сильные руки... Господи, да у него даже пальцы – и те красивые! Сегодня не могла оторваться от доски, пока они играючи выписывали решение уравнения с тремя неизвестными. Брайан не только крайне хорош собой, но ещё и очень умный. Краем уха слышала от Моники, что он едет в какой-то город представлять нашу школу на масштабном конкурсе проектов в области прикладных наук и информатики.

Он – гений. В то время как мои познания компьютера ограничиваются набором букв в текстовом редакторе, Кроу уже вовсю создаёт разные сайты и что-то программирует. Неудивительно, что эта кладёз ума в обёртке сексуального красавчика, привлекает почти всё женское сообщество класса. Если не школы.

Я уже миллион раз пожалела о своём выборе. О’Доннелл мне мешает учиться, отвлекая бесконечными расспросами и нырянием своего носа в мои записи. Сидела бы сейчас с его другом и набиралась ума... Хотя вряд ли. Он с первого дня дал понять, что не особо рад моему появлению в классе. И это ещё один довод в пользу его противоречивого характера. Если я ему не нравлюсь, какого чёрта он постоянно на меня так странно смотрит? Я периодически ловлю на себе изучающие взгляды этого притягательного bruneta, а ещё мне кажется, что его злит наше общение с его другом. Да ради Бога! Пусть забирает себе Дэна хоть навсегда. Я не собиралась рушить их дружбу своим появлением, если Брайан беспокоится об этом.

Атмосфера в «Монтгомери» тоже добавляет «красок» в мою чёрно-белую жизнь. Ходила бы себе в обычную школу, но нет, мне подавай помажористее. Сама так решила, поэтому винить здесь некого.

Брезгливые взгляды Моники и её подружек ясно дали понять, кем они меня считают. Почти все они – дети богатых родителей, приученные к роскоши, дорогим вещам и общению с равными себе, а мой социальный статус они определили на первой же перемене, когда я услышала чьё-то восклицание: «У неё туфли из секонд-хэнда?». Если они думают, что унизили меня, то ошибаются. Я не для этого рвалась в такую школу, чтобы заострять внимание на людях, которые дружат со шмотками, а не с людьми, в них одетых.

Но несмотря на всю свою храбрость, я постеснялась сказать О’Доннеллу о том, что еду после школы на работу. И только по одной причине: я не хотела, чтобы об этом знал его друг.

Вот только пока я отделялась от назойливого Дэна, катастрофически опоздала на работу, за что и получаю сейчас порцию дерьма от своего босса, изо всех сил стараясь держать лицо:

– Вместо тебя уже вышла Клэр. Можешь идти туда, откуда шла! – Рокфор завершает свою тираду и хватается за лямку рюкзака, собираясь вышвырнуть, как бездомную кошку. Конечно, это его ненастоящее имя. Мы так прозвали его с девочками за поразительное сходство с толстой крысой из мультфильма про бурундуков-спасателей.

Как бы то ни было, увольнение сейчас смерти подобно. Мне позарез нужны деньги.

– Обещаю, этого больше не повторится! – предпринимаю попытку вежливо уговорить этого брюзгу. – Вы же знаете, что мне нужно отработать ту разбитую посуду.

– Ты можешь отработать, да, – на его лице появляется масляная улыбка, заставляющая меня поёжиться. – Я тебе уже говорил, каким образом это можно сделать, – и зажимает в кулаке кончик моей косы, начиная многозначительно перетирать волосы своими пухлыми пальцами.

Бросив короткий взгляд на его руку, смотрю в его ехидные глаза, и понимаю, что не буду работать здесь больше ни минуты. Костями лягу, но найду деньги и верну, а напоследок всё же скажу:

– Если вас не смутит вид блевотины на вашей роже в тот момент, когда начнёте спускать штаны, то могу отработать хоть сейчас.

Босс, выпучив глаза, гневно дёргает вниз мою косу, едва не награждая вывихом шейных позвонков. В затылке появляется адская простреливающая боль, но я не подаю вида, чтобы не радовать этого мерзавца, а в следующую секунду происходит то, чего я никак не ожидаю: на него набрасывается Брайан.

Первые мгновения я оторопело наблюдаю за происходящим, но, когда мой одноклассник начинает сыпать угрозами, я не на шутку пугаюсь. Что он может против человека со связями? Тот его раздавит, как букашку, если захочет. И меня в придачу. Именно поэтому пытаюсь расцепить их, но куда там! Кроу шикает на меня, давая понять, чтобы не лезла, куда не просят, и продолжает напирать на взрослого мужчину, совсем не боясь последствий.

Да нас обоих сейчас загребут в участок! Брайана отмажут, а что будет со мной? Пока я перевариваю всевозможные варианты, он кидает в хрипящего Рокфора деньги. А вот это уже крайняя степень наглости! Из моих ноздрей, наверняка, валит дым, потому что парень удивлённо всматривается в моё лицо, а потом без лишних слов выводит меня на улицу, подталкивая вперёд.

– Ты спятил, Кроу? – выдёргиваю свой локоть из стального захвата, когда мы доходим до его машины.

– Не понял. Это «спасибо» по-мексикански? – Брайан недовольно скрещивает руки на груди.

– Мексиканского языка не существует. (*Прим. авт. В Мексике говорят на испанском языке*)

– Тогда как понимать твою реакцию? Или я прервал вашу своеобразную ролевую игру?

– Я не просила отдавать за меня деньги! В ближайшее время я всё равно не смогу их тебе вернуть. Чего непонятного? – я вся киплю от негодования, а он так вообще в ярости, судя по раздувающимся крыльям носа.

– Считай это подарком судьбы, – небрежно хмыкает Брайан. – Можешь не возвращать.

– Мне не нужны от тебя подачки. Я обязательно отдам всё до единого цента!

– Какие мы гордые, твою мать! – парень проводит рукой по волосам, раздражённо вздыхая, и я начинаю чувствовать себя глупо.

Мне становится до такой степени стыдно за то, что он ввязался из-за меня в драку. Как мне теперь учиться с ним в одном классе? Наверняка растреплет всем, насколько ущербная у меня жизнь.

– Спасибо, – произношу, опуская взгляд.

Кроу молча смотрит в мои глаза, слегка прищуриваясь. Кстати, что он тут забыл?

– Как ты здесь оказался? – интересуюсь я уже вслух.

Брайан приосанивается, явно пытаясь скрыть растерянность, а потом выпаливает, как мне кажется, на ходу:

– Искал репетитора по испанскому языку, – и растягивает свои красивые губы в самоуверенной ухмылке.

Хмурюсь, не зная, как реагировать на этот уход от ответа. Он подкалывает меня из-за фамилии или из-за того, что на самом деле знает о моём увлечении?

– Это моя любимая кофейня. Мимо проезжал. – *Врёт и не краснеет.* – Слушай, Касандра, – парень присаживается на капот своей Тойоты, опершись на него обеими руками, – мне нужно выучить испанский, а раз ты – его непосредственный носитель, можешь оказать мне взаимную услугу.

Всё-таки он в курсе, что в Мексике говорят на испанском. Уже хорошо.

– В чём подвох? – настороженно вглядываюсь в его глаза, силясь рассмотреть в них издёвку, но вижу только неподдельную серьёзность.

– Никаких подвохов! Плачу пол сотни за занятие.

Я не ослышалась? Пятьдесят долларов? Да за эти деньги он может посещать курсы в частных языковых школах! Святые небеса, что же делать? Соглашаться или нет? Ведь другой возможности может и не быть.

– По рукам? – не дав мне как следует обдумать предложение, Брайан протягивает свою ладонь.

Крепкую, покрытую множеством загадочных линий и, отчего-то, вызывающую доверие к её владельцу. Всё во мне кричит о том, чтобы не поддавалась, но соблазн узнать Брайана поближе, а заодно и вернуть ему долг перевешивает. Слегка помедлив для вида, вкладываю свою ладошку в его, невольно наслаждаясь теплом, исходящим от его кожи. И, чёрт возьми, никогда не верила в мистику и подобную сверхъестественную чушь, но, пока смотрю в зелёные глаза Брайана, меня окутывает чувство, будто я давным-давно знаю этого человека. Словно когда-то не в этом мире наши линии судеб были связаны немыслимым образом, а теперь они снова соединились с касанием наших ладоней, чтобы испытать на прочность.

ГЛАВА 3 КРАСИВЫЙ ЯЗЫК

Брайан

– Привет, самая лучшая женщина на свете! – ору на весь дом, скидывая кроссовки, и быстрым шагом иду на аромат моего любимого печенья.

Когда у этого прекрасного человека в домашнем платье и фартуке выходной, я готов жить на кухне круглосуточно. Что поделаться: я из тех парней, путь к сердцу которых довольно прост. Чмокнув маму в щёку, хватаю горячее печенье с противня и начинаю жонглировать им, чтобы побыстрее остудить и закинуть в рот.

– Брайан, – мама как-то подозрительно улыбается, зависнув при виде меня с прихватками в руках, – ты влюбился?

– Что за бред? – начинаю поглощать сахарное лакомство, чтобы не выдать себя.

Мама звонко смеётся, отчего выглядит совсем юной, и начинает перечислять, загибая пальцы:

– Ты просишь говорить, что тебя нет, когда звонит Моника, каждое утро перед школой наглаживаешь свои рубашки, как будто идёшь на свидание, постоянно что-то напеваешь себе под нос и...

– И? – хмурюсь, перестав жевать.

Чёрт, плохи мои дела, если мой недуг стал замечен невооружённым глазом.

– Обычно, когда ты приходил домой, бурчал что-то среднее между: «Хай, предки» и «Отвалите от меня». А сейчас от тебя чуть ли не лучи расходятся в разные стороны. Ну так кто она?

Моя мама – красивая женщина, очень ухоженная и умная (от неё я унаследовал всё самое лучшее, кстати), но иногда она чересчур наблюдательна. Вздыхаю и, отряхнув ладони от крошек, опираюсь ими на столешницу позади себя. Надо переходить к главному.

– Ма, тут такое дело... – Жесть, я так не смущался, даже когда первый раз приглашал девочку на медлячок. – Через час придёт моя одноклассница. Она будет заниматься со мной репетиторством.

Мама складывает руки на груди, удивлённо приподнимая одну бровь, но продолжает терпеливо молчать, за что я ей благодарен.

– Она будет учить меня испанскому, – зажмурившись, прикрываю лицо ладонью, чтобы не смотреть на свой позор в отражении маминых глаз.

Мысль о репетиторстве была внезапной, совершенно не обдуманной, и мне до сих пор неясно, как я буду выкручиваться из своего вранья. Но дело сделано, и без сообщников теперь никак.

– Брайан, ты в совершенстве знаешь испанский.

– Об этом я и хотел с тобой поговорить, – всё же смотрю на неё и, неожиданно для самого себя, вижу понимающую улыбку на её лице. – Не проболтайся.

– Uno, dos, tres, cuatro... (*Прим. авт.: один, два, три, четыре...*)

Я по-раздолбайски сижу на своей кровати, согнув одну ногу, и делаю вид, что слушаю свою «учительницу», а сам с интересом её разглядываю. После школы Кассандра переделалась в обычные рваные джинсы и свободную футболку. Я не вижу ни одного обнажённого участка её тела, кроме рук и шеи, но чё-ёрт... Пока она проговаривает числительные испанского языка, как можно незаметнее подтягиваю подушку поближе к своему паху, чтобы скрыть конкретный такой вулкан, выпирающий через тонкую ткань домашних штанов. Никогда не думал, что испанская речь может настолько возбуждать.

– Брайан?

– М-м?

– Ты меня слушаешь? – Агилар сидит на стуле возле стола напротив и смеряет меня осуждающим взглядом.

Прочищаю горло и с улыбкой отвечаю:

– Uno, dos, tres, cuatro, cinco, seis, siete, ocho, nueve, diez, – выпаливаю, как на духу. – Ну как? – Ожидая услышать похвалу, но она только хмурит свои красивые бровки.

– Я считала до восьми, а не до десяти.

Ну ты и придурок, Брайан. Это же надо так облажаться.

– Я тебя поразил?

– Скорее, озадачил, – она закрывает свой выдавший виды учебник. – *Me estás engañando?* (Прим. авт.: Ты мне врешь?) – задаёт вопрос, глядя на меня в упор, а мне приходится сидеть с улыбкой олигофрена, прикидываясь, что ни хрена не понял.

– У тебя красивый язык, – выдаю то, что на уме, имея в виду все её языки вместе взятые. Включая тот, что у неё во рту.

Кассандра непроизвольно облизывает губы, но не смущается, а продолжает смотреть на меня, слегка прищурившись. Чую, что-то задумала, и моё чутьё меня не подводит:

– *No tengo bragas puestas*, (Прим. авт.: На мне нет трусиков) – серьёзное выражение лица абсолютно не сочетается с её каверзными изречениями.

Где там мой заслуженный Оскар? Несите! Прижав подушку ещё сильнее, невозмутимо смотрю на эту сумасшедшую, от которой у меня скоро будет ядерный взрыв в штанах. И я добровольно обрёл себя на эти пытки?

– Кэсси, я успел заценить твои языковые навыки, но, может, всё-таки приступим к моему обучению?

А вот теперь я её смутил. Девушка слегка улыбается и, заправив волосы за ухо, снова открывает учебник.

Я далёк от всяких женских штучек и ухищрений, которыми пользуются девчонки, и мои познания во всём этом ограничиваются Глорией, которая непременно давала оценку каждой моей подружке: «Смотри, этой не запускай пальцы в волосы, иначе они застрянут в капсулах для наращивания», «Я бы проверила ту твою Молли, Колли, или как её там, на лишай. Её волоснёй усыпано всё заднее сиденье». Я, конечно, не ханжа, но после многочисленных комментариев сестры у меня появился этакий пунктик: волосы моей девушки обязательно должны были быть натуральными.

Именно поэтому меня так заклинило на причёске Кассандры. Свою привычную косу она сегодня распустила, демонстрируя пышную копну невероятной длины. Каждый раз, когда она проводит по ним рукой или убирает за спину, они рассыпаются по плечам переливающимся каскадом, на котором я частенько залипаю, отвлекаясь от занятия.

Но самое смешное, что с появлением этой девчонки все мои «пунктики» мигом оказались перечёркнутыми. Ни разу не трогал её волосы, но уже сейчас могу сказать однозначно: мне всё равно, свои они у неё или нет.

Кассандра

Я искренне поражена тому, как стойко держался Брайан при учинённой мной проверке. Не знаю, для чего я пыталась расколоть этого вруна, ведь я могла лишиться себя отличного заработка, но мне хотелось понять, что он затеял и для чего попросил о репетиторстве, владея испанским на уровне С2. (Прим. авт. С2 – это свободное владение языком). Его сертификат я увидела в ящике стола, в котором он сам же сказал мне поискать ручку, пока отлучался из комнаты.

Брайан меня настораживает. Даже скажу больше: я его боюсь. От него исходит такая бешеная энергия, что иногда у меня возникает чувство, будто он питается моей. И это так

странно. Всякий раз, когда наши взгляды пересекаются, я не в силах отвести свой. Наши глаза будто соединяются невидимой нитью, по которой, как по проводу, происходит энергетический обмен между нашими душами.

Именно эту связь я почувствовала снова в тот момент, когда пыталась подловить его на обмане. Он так смотрел, словно умолял прекратить эти мучения и просто смириться. И я уступила. Мне стало даже интересно, куда нас обоих заведёт эта затея с фальшивым обучением. С этим парнем интересно и весело, а ещё с ним... безопасно.

Немудрено, что девочки из класса фанатеют по нему: душа компании, спортсмен, программист, красавчик и просто хороший парень в одном флаконе. Поначалу я относилась к нему скептически. Мне в принципе сложно доверять людям, а тут первый парень класса оказывает недвусмысленные знаки внимания. Но за прошедшие несколько дней я заметила несколько необычных вещей, заставивших развернуть своё мнение о нём на сто восемьдесят градусов.

Во-первых, в столовой теперь вместо О'Доннелла ко мне всё время подсаживается Кроу под предлогом объяснить очередную тему по математике или физике, а во-вторых, кто-то стал подкидывать в мой рюкзак шоколадные батончики. Сначала подозревала О'Доннелла, но теперь мне ясно, кто мой «кормилец».

Не буду лукавить, его попытки понравиться мне очень льстят. Если не считать папиных отморозков, которые пытались залезть мне под юбку, парни не проявляли ко мне интереса, а я к ним. В моём окружении не было достойных юношей, с которыми мне хотелось бы встречаться. Почти в каждом я видела будущего преступника или маргинала, а я хотела другой жизни.

И я поняла, какой именно, когда вошла в дом Брайана. Меня сразу окутал шлейф домашней выпечки, от которого по телу разлилось позабытое чувство уюта и заботы. В стены нашего жилища уже давно въелись запахи сигаретного дыма и дешёвого алкоголя, вызывающие омерзение и желание пореже появляться дома. Я вижу, что и у мамы стали опускаться руки. Обычно мы с ней разбегаемся по своим комнатам, лишь бы не пересекаться с подозрительными личностями. О каком уюте речь?

А здесь... Кажется, я поняла, что означает выражение «семейный очаг».

После занятия Брайан настоял на том, чтобы отвезти меня домой. Я упиралась, опасаясь осуждения в его взгляде при виде условий моего проживания, но потом сдалась. В конечном счёте, если он составит мнение обо мне по моему окружению, то, скорее, в нём разочаруюсь я. Лично я в корне не согласна с выражением: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Как известно, у Иуды были безупречные друзья...

Пока моему «ученику» приспичило в душ, решила подождать его в небольшой гостиной на первом этаже. За запертой дверью кухни слышны звуки брякающей посуды и болтовня телеведущей какого-то ток-шоу. После того, как Эллисон Кроу тепло поприветствовала меня, она тактично скрылась в своей святыне, взяв с меня обещание позже отведать её шедевральные печенья. Невольно улыбаюсь, представляя, как мама Брайана суетится возле плиты, мысленно комментируя очередных гостей передачи, ноющих о своих проблемах.

Пользуясь случаем, рассматриваю окружающую обстановку. Вопреки моим домыслам, семейство Кроу – не богатеи. Они живут в небольшом двухэтажном коттедже, но зато в очень приличном и спокойном районе Лос-Анджелеса. Но то, с каким вкусом подобрана мебель, очень подкупает. Бежевая цветовая гамма словно обнимает невидимыми мягкими лапами, вселяя спокойствие и безмятежность.

Бог мой! У них есть камин... Много ли жителей жаркого Лос-Анджелеса ставят в домах камин? Ноги сами ведут к нему, потому что на стене сверху замечаю множество фотографий. На одной из них запечатлена вся семья, включая, по-видимому, старшего брата и младшую сестру Брайана. Все как на подбор улыбочивые, счастливые и дружные. Это довольно старое фото, судя по отсутствию передних зубов у моего одноклассника. Глядя на широкие улыбки каждого из них, я тоже начинаю улыбаться и по-доброму завидовать... На одном кадре вижу

коренастого парня в военной форме. Одна его нога гордо стоит на каком-то булыжнике, выделяющемся на фоне пустынной местности.

– Родители поставили его ради нас.

Дёргаюсь от неожиданности, когда рядом со мной раздаётся тонкий девичий голосок. Повернув голову, вижу девочку с фотографии. Узнаю её по непокорным завиткам волос, которые она то и дело сдувает со своего лица.

– Что, прости? – на всякий случай уточняю, что она имеет в виду.

– Я про камин, – она хмыкает, показывая на него ладонью. – Родители купили его, чтобы на Рождество развешивать носки для подарков от Санты. – Обернувшись в сторону кухни, девчонка придвигается ко мне и заговорщицки шепчет: – Я перестала в него верить ещё в шесть, когда застукала Макса за обмакиванием своих ботинков в муку. Думали я не просеку, кто на самом деле оставляет эти белые следы.

Смеюсь от её непосредственности, а ещё от внезапного прилива счастья, начинающего затапливать и отогревать моё замерзающее сердце, потому что за какие-то несколько минут я увидела то, чего ни разу не испытывала за свои неполные восемнадцать: бесконечную любовь членов этой семьи друг к другу.

– Кассандра, – протягиваю сестре Брайана ладонь.

– Глория, – охотно пожимая мою руку, она неотрывно вглядывается в мои глаза. – Ты – подруга брата?

Даже теряюсь от такой прямоты и напора.

– Я его...

– Да, – раздаётся со стороны лестницы мужской бас.

Мы обе поворачиваемся на голос Брайана, и у меня едва не подкашиваются ноги при виде него. Парень стоит в одних шортах, будто специально выставив напоказ загорелый торс, покрытый капельками воды. Так сильно торопился? Брайан довольно ухмыляется, когда ловит меня за разглядыванием своего тела, и начинает рьяно высушивать полотенцем волосы, продолжая буравить насмешливым взглядом.

Он не мог проделать это всё в ванной? Сглатываю и смущённо отворачиваюсь к фотографиям. Святые угодники, может, зря я согласилась на эту сделку?

ГЛАВА 4 ДОЛГ ЧЕСТИ

Брайан

– Так, у нас все в сборе? – В школьный автобус забегают взмыленный Джобс, впервые отважившийся взять под своё крыло целый класс великовозрастных школьников, уже обогнавших его по росту.

Двухдневная поездка в Санта-Ану обещает быть весёленькой, учитывая, сколько спиртного припрятано у нас по сумкам.

– Не все. Агилар ещё нет! – выкрикиваю со своего места, одновременно раздумывая, как я смогу задержать водителя. Ну не шины же резать. Я и так позвонил в приёмную школы якобы от лица организатора поездки и двадцать минут мурзил Джобса по поводу экскурсий и условий размещения.

Телефон Кэсси не отвечает, но она должна была прийти, потому что тоже хотела в это мини-путешествие. Вернее, я хотел провести с ней как можно больше времени, поэтому убедил её приобщиться к нашему коллективу. На душе беспокойно. Что-то случилось.

Наш учитель бросает раздражённый взгляд на часы и выносит своё решение:

– Тридцать одного не ждут, – и даёт отмашку водителю.

– Стойте! – стягиваю свою спортивную сумку с багажного отсека и под обалделые взгляды одноклассников решительно двигаюсь к выходу.

– Кроу, – Джобс предостерегающе упирает ладонь в мою грудь. – С того момента, как ты переступил порог этого автобуса, я несу за тебя ответственность. Ты остаёшься здесь. С Агилар разберёмся позже.

– Мистер Джобс, мы приедем к вам, обещаю. Своих родителей я предупрежу.

Мужчина несколько секунд продолжает всматриваться в мои глаза, пытаюсь найти там признаки помешательства. После того, как находит, понимающе улыбается и отходит с дороги. С этого момента я, можно сказать, во всеуслышанье заявил о своём отношении к этой девчонке. Да и плевать. Мне нечего стыдиться. Не к месту вспоминается изречение старины Фрейда: «Любовь – это самый проверенный способ преодолеть чувство стыда». Неужели это она и есть?

У меня уходит около двадцати минут на то, чтобы добраться до дома Кассандры. За прошедшие несколько недель она ни разу не звала меня к себе в гости, хотя я не раз внаглую напрашивался под разными предлогами. То спешила, то не успевала, то нужно было помочь матери, то мать должна была помочь ей. В общем, стандартные отмазки динамщицы. Ухаживание за этой девушкой равносильно взятию Бастилии: сложно, но можно.

Семья Агилар живёт в криминальном районе Лос-Анджелеса. И это ещё один момент, который меня очень напрягает. Каждый раз, когда я лежу вечером в своей уютной постели, не могу думать ни о чём другом, кроме как о безопасности Кэсси, которой не место в этой клоаке под названием «Южный ЭлЭй».

Сегодня жаркий солнечный день, но даже в таких условиях Вест-стрит выглядит серой из-за отсутствия ухоженных газонов и зелени. Если деревья отказываются здесь расти, что уж говорить про живущих тут людей? От переполненных мусорных баков прямо на дорогу стекают помои, вонь которых на жаре ощущается особенно остро. Кружащая надо мной стая голодных ворон и бездомные исхудавшие кошки, развалившиеся на пожухлой траве, лишь добавляют колорита местности.

Именно благодаря этому контрасту меня удивляет наличие новенького чёрного мерина возле дома Кассандры. У тачки нет номеров, окна наглухо затонированы, поэтому непонятно, есть ли кто-нибудь внутри.

Поднявшись по скрипучим деревянным ступеням, делаю три быстрых стука в дверь. Выжидаю пару минут и стучу снова ещё громче. До меня доносится тяжёлая поступь, и когда

дверь распаивается, я вижу мужчину лет тридцати пяти довольно крепкого телосложения. Для отца слишком молод и одет не по-домашнему. Точно рентгеновские сканеры, мы с ним синхронно оглядываем друг друга с головы до ног. Я так и вижу, как в наших мозгах распечатываются отчёты с результатами. В моём итог не особо утешительный: передо мной уголовник.

– Чего тебе? – он делает шаг ко мне, вынуждая отступить в сторону, и прикрывает за собой дверь, словно не хочет, чтобы нас услышали.

– Я пришёл к Кассандре.

Этот бритоголовый кривит рот в усмешке и, вынув сигарету из пачки, молча прикуривает её элитной зажигалкой. Мой ответ он открыто игнорирует. Терпеливо жду, чтобы не показывать свою сволочную натуру, которую я бужу из состояния спячки в случае крайней необходимости. Вдруг это родственник Кэсси? Не бить же морду зря. Когда он издевательски выпускает в меня серое облако дыма, решительно обхожу его, чтобы открыть дверь в дом, но не успеваю прикоснуться к ручке, потому что передо мной появляется шлагбаум в виде волосатой руки, украшенной толстой золотой цепью и татуировкой в виде короны.

– Повторю свой вопрос, сосунок. Чего тебе?

– Повторю свой ответ: я пришёл к Кассандре, – грубо отрезаю, потому что моё терпение заканчивается пропорционально скорости прищуривания глаз этого мужика.

– Её нет, – отвечает хриплым голосом, пуская дым в сторону ровными кольцами.

– И где же она?

– Слышь, мажор! Садись в свою повозку и катись отсюда, пока я добрый, – его ноздри начинают раздуваться от злости, и я понимаю, что этот тип здесь явно залётная птица. И мерин принадлежит ему, судя по эмблеме на брелоке, пристёгнутом к ремню.

Внезапно раздаётся звук разбитого стекла, осколки которого сыпятся прямо на нас. Мы оба рефлекторно прикрываем головы руками, и тут я слышу:

– Брайан! Брайан! Я здесь! – голос рыдающей Кассандры срывает меня с цепи окончательно.

Один взгляд на моего противника, и я понимаю, что к чему. Наношу направленный удар кулаком по его скуле, отчего сигарета вываливается на землю, и он отшатывается в сторону, давая мне фору. Наверняка не ожидал от меня такой прыти. *Это тебе не колечки дымом рисовать, придурок.*

Ногой пинаю отморозка в живот в сторону лестницы, и он падает спиной прямо на хрупкие ступени, разламывая их в щепки. Этот бессмертный на удивление резво поднимается на ноги. Его лицо украшает свирепое выражение с хищным оскалом и ссадина на щеке, из которой сочится кровь. Нет времени рассматривать убудка. Рывком открываю дверь, без промедления захлопывая её за собой и запирая на замок. На первом этаже никого нет. Оглядываюсь по сторонам, выискивая в скудной обстановке что-нибудь подходящее. Пластмассовый стол с хлипкими стульями не годятся. Диван быстро не сдвинуть в одиночку. Одна надежда на старинный комод, который я торопливо придвигаю к проёму. Плотно забаррикадивав дверь, уже грохочущую от ударов, пуль мчусь вверх, опасаясь воочию увидеть кошмар из моих снов.

Кассандра

Из зеркала на меня смотрит незнакомка. Её щёки украшает румянец, в глазах – озорной блеск, и губы невольно растягиваются в улыбке от осознания того факта, что это и правда я. И я чётко осознаю причину своего состояния. Имя ему – Брайан Кроу. Как всё же обманчиво первое впечатление. Тот, кто казался мне наглым, самонадеянным и напыщенным гордецом, на самом деле – самый прекрасный человек, которого я встречала в своей жизни.

Он думает, что я не ценю его заботу, когда он встречается и провожает меня, считает, что я не вижу его взглядов, брошенных украдкой, или не понимаю, с чьей лёгкой руки ко мне в классе вдруг стали относиться, как к своей. И я собираюсь исправить эту несправедливость.

Прямо сегодня. Поездка с классом как нельзя кстати. Надоело строить из себя Снежную Королеву, только чтобы убедиться в его искренности и испытать на прочность. Мне впервые захотелось довериться кому-то, не шарахаясь от малейшего прикосновения и не опасаясь быть обманутой.

Мама ещё не вернулась с ночного дежурства на автозаправке, поэтому крадусь на цыпочках, чтобы не разбудить папашу. Уже на середине лестницы меня настигает разочарование. Шипящий звук газовой плиты и шум воды из-под крана – явные признаки того, что отец бодрствует. Вдруг повезёт, и я останусь незамеченной? Иду ко входной двери, не глядя в сторону кухни. Глупо, понимаю. Можно подумать, если я на него не посмотрю, то и он меня не заметит.

– Далеко собралась? – грубый голос отца застает меня почти у придверного коврика. Свобода была так близко...

Оборачиваюсь, распрямляя плечи и вздёргивая подбородок. Мой излюбленный приём напускной смелости. Но мгновенно сникаю, как только замечаю гостя, развалившегося на диване. Шейн. Местный сутенёр, который играет с отцом в том же казино, аморальный тип, насильник и просто самый настоящий выродок. А ещё отец должен ему огромную сумму денег. Диего Агилар – неизлечимый игроман, у которого не задерживается в кармане ни цента. Он всё спускает на игровые автоматы и карточные игры, чем и пользуется Шейн, дающий отцу деньги в долг под нехилый процент.

Душу заполняет горечь обиды. Он не сдержал обещание, пустив его к нам в дом. И это после того, что случилось?

Встаю боком к незваному гостю, потому что улавливаю его похотливый взгляд, направленный на область между моих ног.

– На школьную экскурсию, – стараюсь звучать как можно вежливее, чтобы не нарываться. – И я уже опаздываю, – добавляю приблизившемуся ко мне папе.

Удивительно, но он одет в чистую рубашку и брюки, лицо гладко выбрито, словно он собрался на важную встречу. Но первый звоночек в моей голове звенит, когда я слышу его непривычно любезный тон:

– Я сам тебя отвезу, – улыбается, погладив меня по голове. – Пойду заведу машину, а ты пока налей молодому человеку кофе. Будь гостеприимной хозяйкой.

Отец быстро скрывается за дверью, не дожидаясь моего согласия. Хочу последовать сразу за ним, но свист чайника вынуждает меня вернуться. Когда я выключаю плиту, комната погружается в тревожную тишину, через которую я слышу лишь своё дыхание и монотонный звук капель воды, ударяющихся о поверхность поржавевшей мойки. Сердце колотится так сильно, будто предчувствует беду.

«Так, Кассандра, спокойно. Вдох-выдох, вдох-выдох. Сейчас он не посмеет что-то сделать. Если что, отец обязательно заступится. В тот раз он просто был не в состоянии...» – пытаюсь себя обнадёжить, пока лезу в шкаф за кружкой. Насыпаю растворимый кофе и кладу ложку сахара, не интересуясь предпочтениями мужчины за моей спиной. Заговорить с ним – значит, показать, что я не против его компании. Едва не обжигаюсь кипятком из-за спешки. Даже не размешав напиток, ставлю кружку на стол перед носом Шейна и чуть ли не бегом иду к двери, чтобы как можно скорее оказаться на улице. Вот только она не поддаётся, когда я пытаюсь повернуть ручку. Продолжаю отчаянно дёргать её, надеясь на чудо, но печальная истина обрушивается на меня, как внезапный ливень: меня запер родной отец.

Бегло осматриваю комод в поисках своих ключей, но, конечно, там их уже нет.

– Не это ищешь?

Поворачиваюсь к Шейну, который гордо демонстрирует связку ключей, при этом многозначительно ухмыляясь. Пользуясь тем, что он продолжает восседать на диване, опрометью кидаюсь обратно к лестнице, перепрыгивая через две ступени. Внизу мне точно оставаться нельзя.

Ближайшая комната на втором этаже – ванная. К тому же, в ней хороший замок, а ещё здесь есть, чем обороняться в случае необходимости. Быстро запираюсь и начинаю оперативно выгружать из настенного шкафчика бритву, стеклянный стакан, дезодорант. Вспоминаю про шпильки в своих волосах. Вынимаю и их тоже. Не позволю этому ублюдку меня достать.

– Малыш, ну что же ты испугалась? – раздаётся за дверью обманчиво ласковый голос Шейна. – Выходи, мы просто выпьем по чашке кофе, поболтаем о том, о сём.

Не реагируя на него, начинаю рыться в своей дорожной сумке в поисках смартфона, но его в ней нет. Совершенно точно помню, что клала его сверху на вещи. Чёрт. Наверное, этот монстр его стащил, когда я наливала ему кофе. Прислоняюсь лбом к холодному кафелю, усиленно соображая, как мне быть. Придётся держать оборону, пока не вернётся мама. Мама... Господи, только не это.

– Шейн, скажи, что ты хочешь? – произношу в узкую щель между дверью и стеной.

– Я хочу вернуть свои бабки.

– Сколько? – сама не знаю, зачем спрашиваю. У меня есть только сто баксов, оставшиеся с денег, заработанных на обманном репетиторстве с Брайаном. Часть я потратила на одежду, в которой стою сейчас, чтобы хотя бы немного соответствовать парню, который мне очень нравится.

– Штука, – отвечает тот с усмешкой.

О, Боже... Это ещё больше, чем в прошлый раз.

– Шейн, послушай. Я всё отдам. Мне нужен всего месяц. Я прошу тебя! – нижняя губа начинает против воли дрожать от безысходности.

– Деньги нужны сегодня! – требует он и, чуть понизив голос, добавляет: —Твоя мамаша выплачивала прошлый долг, теперь твоя очередь.

Слышу, как он чиркает зажигалкой, и в нос тут же ударяет струя дыма, просочившаяся через щель. Отпрянув от двери, продолжаю стоять, едва дыша, и просто молюсь.

– Малыш, – раздражённо зовёт меня Шейн. – Надеюсь, ты понимаешь, что я могу выбить эту картонку за секунду? Давай не будем оттягивать неизбежное, и ты просто выйдешь сюда, раздвинешь свои прелестные ножки, и дело с концом, – на последнем двусмысленном слове он разражается хохотом, наверное, наслаждаясь своим остроумием. – Или... – делает паузу, заставляющую меня подобраться, – твоей матери придётся обслужить не только меня. Выбери.

Слёзы заполняют мои глаза. Господи, за какие грехи нам такие испытания? Мама, как же мне хочется избавить тебя от всего этого... Нас обеих.

– А это ещё что за хрен? – злобно бросает Шейн, и я слышу его шаги.

Он уходит? Я вся обращаюсь в слух, чтобы оценить обстановку. Во мне начинает тлеть уголёк надежды. Может быть, отец передумал и вернулся? В этот момент я отчётливо слышу громкий стук во входную дверь. Нет, это не отец. Он мог открыть дверь ключом.

– Я сейчас приду, детка. Можешь пока принять расслабляющую ванну, —мужчина издаёт смешок и, судя по скрежету об дверь, вставляет какой-то предмет через ручку, чтобы я не смогла выбраться.

На всякий случай через несколько секунд отпираю замок и толкаю дверь плечом. Не поддаётся. Мой взгляд начинает метаться по комнате в поисках чего-то пригодного. Лом тут вряд ли найдётся. Почти под потолком есть небольшое окно, выходящее на крыльцо, но в него даже моя голова не пролезет.

До меня доносится мужской разговор и, кажется, один из голосов принадлежит Брайану. Надеюсь, это не галлюцинации? Встаю на край ванны в попытке дотянуться до окна, но всё напрасно. Пробую громко прокричать его имя и прислушиваюсь, но, судя по продолжающемуся разговору, меня не слышно. Спускаюсь на пол и, недолго думая, с размаха швыряю в

окно баллончик с дезодорантом. Оно разбивается вдребезги, и я сразу начинаю истошно звать Брайана.

Сработало! На крыльце начинается какое-то копошение, и только сейчас до меня доходит, какую глупость я совершила. А если он пострадает? Я знаю, что парень занимается боксом, но он не всемогущ, в конце концов.

От собственного бессилия начинаю ходить туда-сюда. Спустя вечность со стороны первого этажа слышу грохот, который меня до чёртиков пугает. Если это разъярённый Шейн, то теперь мне точно не поздоровится. В тот момент, когда дверь ванной распаивается, я уже ни жива-ни мертва, но при виде Брайана молниеносно бросаюсь к нему. Обнимаю, и он обнимает в ответ, целуя в макушку и раздувая волосы своим горячим дыханием.

– Ты как? Он тебя... обидел? – спрашивает с озабоченным выражением лица, слегка отодвинувшись.

Отрицательно мотаю головой, всё ещё не веря, что он здесь, рядом со мной.

– Где он? Уехал? – выглядываю в коридор, вытянув шею.

– Без понятия. Но я вызываю полицию. – Брайан уже приготовился набирать нужный номер, потирая брови.

– Ни в коем случае! – выхватываю его дорогой гаджет из руки, на что получаю вопросительный взгляд.

Боже, как же стыдно. Что ему сказать и как всё это объяснить?

– Брайан, если ты заявишь в полицию, завтра эти люди убьют всех нас. Ты не понимаешь, во что ввязался, когда приехал сюда, – одной рукой зарываюсь в свои волосы и начинаю расхаживать по коридору. Судя по звуку заведённого мотора, Шейн понял, что сегодня ему ничего не обломится.

– То есть мне не стоило приезжать? – хмурится парень, возвращая свой телефон обратно в карман.

– Это ничего не изменит. Он будет заявляться сюда до тех пор, пока не получит своё, понимаешь? Отец – его должник, и он... он... меня... – не могу больше вымолвить ни слова, потому что в груди начинают зарождаться истеричные всхлипы, грозящие превратиться в бурные рыдания. Не хочу, чтобы он видел меня такой. Сломленной.

– Кэсси, – Брайан приподнимает моё лицо за подбородок и на полном серьёзе сообщает: – Сюда ты больше не вернёшься.

ГЛАВА 5 ЖУЛИКИ

Брайан

Сейчас бы грушу в зале отмутузить, чтобы выбросить из головы непрошенные мысли о том, как жила Кассандра до меня, но приходится сдерживаться. По своей натуре я прямой человек, но впервые боюсь задавать ей вопросы, потому что вижу, что она морально не готова давать на них ответы.

«Почему ты не можешь открыться мне, Колючка?» – посылаю ей телепатические сигналы в надежде, что когда-нибудь буду услышан. И чем скорее это произойдёт, тем будет лучше для нас обоих.

Искоса поглядываю вправо, чтобы не пропустить тот момент, когда Кэсси начнёт истерить или просто заливаться слезами. Но ничего из этого не происходит. Она пустым взглядом рассматривает сменяющийся пейзаж за окном, о чём-то размышляя. «Рассматривает» – это я, конечно, загнул. Её глаза замерли на одной точке. Тело так напряжено, что у любого простого смертного давно бы начался тремор от мышечного перенапряжения, а она продолжает неподвижно сидеть как ни в чём не бывало.

До Санта-Аны около часа езды, но мы добираемся до наших только к вечеру. На улаживание ближайшего будущего моей безмолвной пассажирки и её матери ушёл почти целый день. Приятная женщина, кстати. Кассандра унаследовала от неё всё, кроме светлых волос и голубых глаз. Я бы решил, что они с Кэсси – сёстры, если бы не печальный взгляд Миранды Агилар, плюсующий к её возрасту десятков лет.

– Спасибо, – Кассандра, наконец-то, отмирает от созерцания невидимой точки.

– Да брось. Это сущие пустяки, – без лишних слов понимаю, за что она благодарит, поэтому дарю ей свою подбадривающую улыбку. Больше всего на свете я хочу, чтобы она мне доверилась, а не стыдилась, ведь именно это написано на её лице: стыд.

– Ты поднял на уши своих родителей, Брайан.

– Рано или поздно им всё равно пришлось бы познакомиться, – самоуверенно заявляю.

Кассандра так смешно округляет глаза, что у меня возникает непреодолимое желание исцеловать каждую её ресничку, лишь бы снова вернуть на место тот задорно-чарующий взгляд, который сразил меня наповал в первый же день.

– Да, родительские собрания... – спохватывается Кэсси, снова отворачиваясь к окну, будто не понимает, что я на самом деле имел в виду.

Без проблем, детка, я подыграю, раз тебе хочется обманываться.

Для нашей группы было арендовано несколько номеров в пятиэтажном мини-отеле, расположенном в окружении пальмовой рощи на берегу океана. Пляжем и морским бризом нас, жителей Лос-Анджелеса, вряд ли удивить. Свобода от родительского контроля и предвкушение отвязных приключений – вот истинная причина, по которой у моих одноклассников глаза горели, словно в них вставили пару ёлочных гирлянд. Меня же интересовало другое: повод побыть рядом с Кэсси.

В отеле меня ждал «нежданчик»: девочек и мальчиков по какому-то негласному стандарту расселили по разным этажам. Причём номер Джобса оказался по соседству с девчонками. Видимо, у него за плечами уже немалый опыт подобных вылазок, раз решил обеспечить им охрану. Учитель встретил нас с Кассандрой на парковке и проводил к нашим комнатам. Вот тогда мы и узнали о его месте обитания.

– Чёрт, это что получается? Под экскурсией реально подразумевалась экскурсия? – хнычет Дэн после моей новости, плюхаясь спиной на свою кровать, отчего под резко прогнувшимся матрасом начинают греметь бутылки, припрятанные для запланированной тусовки.

– Это прямо-таки реквием по неудавшейся вечеринке, – бурчит Тодд, махнув в сторону бутылочного перезвона.

Я бы посмеялся над друзьями, если бы не подпорченное настроение. Молча укладываюсь на свою постель, подложив одну руку под голову, а второй начинаю крутить свой смартфон, как спиннер, пытаюсь найти выход. Алкоголь – меньшее за что я переживаю, но торчать в номере с четырьмя оболтусами точно не входило в мои планы.

– У меня есть идея.

Четверо соседей по «палате» как по команде выпрямляются, становясь похожими на сурикатов, вставших на задние лапы при виде врага. Картина маслом, ей Богу.

– Только придётся раскошелиться. Тодд, напиши нашим в чате, что мистер Джобс сегодня получит комплимент от гостиничного комплекса: пятичасовой релакс в спа-зоне.

Парни поощрительно улыбаются и воодушевлённо хватают свои гаджеты, чтобы оповестить остальных о сборе и обрадовать тем, что посиделкам быть.

Для детишек, рождённых с серебряной ложкой во рту, вопрос денег никогда не стоял, поэтому уже через сорок минут мы покупаем подарочный сертификат, приплачиваем администратору за анонимность и отправляемся обратно в отель, чтобы заняться приготовлениями.

Кассандра

Включив музыкальный плеер, затыкаю уши наушниками, лишь бы не слушать щебетание моих соседок про депиляцию, месячные и у кого, когда и где был первый раз. Возможно, поэтому я так и не обзавелась подругами в «Монтгомери»: мне попросту не о чем с ними разговаривать. Их будущее расписано на десять лет вперёд. Они знают, где продолжают учиться, где будут работать, а некоторые даже в курсе, за кого выйдут замуж. В этом между нами целая пропасть: они – готовые конфетки в красивых фантиках, главная забота которых угодить в дорогую вазу, а я – набор ингредиентов, из которого мне ещё предстоит что-то сотворить. Одно радует, в моём номере хотя бы нет Моники. Её сплетнями я пресытилась и в школе.

Бархатный голос певца немного отвлекает меня от событий сегодняшнего дня. До сих пор в голове не укладывается, насколько чужие люди могут быть иногда ближе родных. У Брайана есть небольшая квартира, доставшаяся по наследству от деда. И теперь в ней будем жить мы с мамой. Конечно, она отпиралась, ведь мы обе оказались в унижительном положении, хотя куда уж ниже...

После того, как Брайан отозвал её в сторону на пару слов, она поменяла своё решение. Не знаю, о чём они говорили, но её виноватый взгляд, обращённый на меня, кричал громче слов. Семнадцатилетний парень сделал то, чего до сих пор не смогла сделать моя родная мать: взял за меня ответственность. Она вихрем пронеслась по дому, покидав наши вещи в две дорожные сумки, и смиренно села в машину.

Не передать словами, как я благодарна Брайану за то, что он не стал устраивать мне допрос несмотря на то, что ему явно не терпелось это сделать. Уверена, такой умный человек, как он, и без моих неловких оправданий смекнул что к чему, а я, в свою очередь, не хочу пакткать его даже каплей той грязи, в которой оказались мы с мамой.

Мои мрачные думы внезапно прерывает Келли, вытащившая наушник из моего уха:

– Сандра, через двадцать минут сбор в номере парней.

– Что ещё за сбор? – бросаю подозрительный взгляд в окно, за которым уже стемнело.

– Ты чего, как маленькая? – смешно поиграв бровями, она щелкает пальцами по горлу – красноречивый жест, приглашающий к попойке.

Оцениваю внешний вид девочек и удивляюсь ещё больше. Все в пижамах, головы замотаны в полотенца, на лицах ни грамма косметики. Удивили так удивили...

– У нас пижамная вечеринка? – нехотя спускаю ноги на пол и тянусь к расчёске, чтобы привести себя в порядок.

– Парни придумали, как отвлечь Цербера почти на пять часов, представляешь? Нам всем нужно сделать вид, что мы готовимся ко сну. Через... – Келли смотрит время в телефоне, – пять минут он к нам заглянет.

– Откуда ты знаешь точное время?

– Он дотошный математик, ты забыла? Давай переодевайся шустрее.

Как ни странно, у меня начинает подниматься настроение от всей этой суеты, напоминающей детский лагерь, в котором я всегда мечтала побывать. Быстро переодеваюсь в шорты и топик, предназначенные для сна, собираю свои длинные волосы в небрежный пучок и забираюсь под одеяло. Только мы выключаем свет, раздаётся стук в дверь. Так и есть, прошло ровно пять минут.

Нэнси приоткрывает дверь, впуская полоску тусклого света из освещаемого коридора, и, чересчур громко зевнув, спрашивает:

– Вы что-то хотели, мистер Джобс?

– Стэффилд, отойди в сторону. Ничего особенного, просто вечерняя перекличка.

Нэнси пропускает мужчину в комнату, включая свет, отчего мы все начинаем со стоном жмуриться. По нам плачет Голливуд.

– Ой, извините, что разбудил, девочки. Не думал, что дневная экскурсия в музей искусств вас настолько умотает. Юноши так вообще уже храпят.

Накрываюсь одеялом и отворачиваюсь к стене, чтобы скрыть своё хихиканье. Кажется, мой вечер обещает быть куда лучше утра.

ГЛАВА 6 Я У ТВОИХ НОГ

Брайан

Не знаю, как это возможно, но в наш пятиместный номер утрамбовалось почти двадцать человек. Я перестал считать где-то на пятнадцатом крадущемся³, как ниндзя, однокласснике. Мы не стали рисковать и включать верхний свет, поэтому из освещения в комнате – только включённые фонари на смартфонах. Пока вынимаем бутылки и закуски из наших закровов, я то и дело поглядываю на дверь, высматривая среди входящих Кассандру. Неужели не придёт?

– Кроу, у тебя шею, случаем, не заклинило? – Дэн пихает меня в плечо, усмехаясь.

– Отвали, – кидаю ему в лоб фисташку, на что он валит меня на пол, и между нами начинается шутильная возня.

О’Доннелл ходит на бокс вместе со мной, поэтому с его спортивной формой он мог бы вырубить меня своим фирменным, чётко поставленным кроссом³ с одного удара, если учесть, что всё моё внимание было сконцентрировано на входной двери, а не на нём. Хохоха, дубасим друг друга по рёбрам, пока я краем глаза не улавливаю движение возле своего лица. Перехватываю кулаки друга и, повернув голову, упираюсь в уже знакомые серые кеды. Как в замедленной съёмке, начинаю поднимать свой взгляд выше, обласкивая им сначала стройные лодыжки, затем спортивные бёдра, пока не достигаю симпатичных розовых шортиков с множеством надписей: «Хватит пялиться». В этот момент Дэн смеётся и слегка хлопает меня по щеке, возвращая из необъяснимого морока на бrenную землю:

– Отомри, друг! Ты уже слюной пол намочил.

О’Доннелл слезает с меня, а я продолжаю лежать на полу, как идиот, только сейчас замечая, как вокруг шумно. Все суетятся, раскидывают на полу подушки, чтобы организовать себе комфортные места, и лишь мой собственный мир уменьшается до одного человека, отодвигая всех остальных на задний фон. Всё, что я сейчас вижу – это потрясающую улыбку, предназначенную мне одному. Улыбаюсь в ответ. Я лежу у её ног у всех на виду, а мне настолько плевать, что сам диву даюсь.

Кассандра, задорно улыбаясь, протягивает мне ладонь. Решила помочь страждущему? Обхватываю её ручонку и делаю вид, что не могу встать, перетягивая девушку на себя. Из-за перевеса она падает прямо на меня, да ещё так удачно, что в какой-то момент мы касаемся друг друга кончиками носов. Кэсси слегка отодвигает своё лицо, явно растерявшись от этого секундного контакта. Мы впервые так близко друг к другу, что даже в полумраке я вижу своё отражение в её зрачках. Смотрю в карие глаза, как в зеркало, и начинаю так ясно видеть самого себя, что если у меня и были сомнения по поводу своих чувств, то именно в это мгновение все они развеялись, как пепел по ветру. Это какая-то невообразимая магия. Я не знаю, существует ли такое слово, которое могло бы точно описать то, что занимает все мои мысли на протяжении нескольких недель.

– Я вижу себя в тебе, – едва слышно произносит Кассандра, обдавая мои губы сладким дыханием.

Почему мои собственные размышления, облечённые в звуки, теперь приобретают совсем другой смысл?

Её ладошки вжимаются в мои ключицы, но как мне этого мало... Хочу, чтобы она провела ими по моему лицу или по любому другому участку тела. Это не имеет значения. Хочу ощутить на себе всё то, что и сам мечтаю проделать с ней. Чёрт возьми, откуда взялась такая острая потребность в этой девушке?

³ Кросс – длинный прямой удар в боксе.

– Я хотел сказать то же самое, – отвечаю охрипшим голосом, смещая акцент на её пухлые губы. Мои руки уже обнимают её спину, прижимая вплотную к себе.

– Эй! Мы ходим, как по минному полю, лишь бы ни на кого не наступить, а они разлеглись! – голос недовольной Моники – не то, что я хотел бы сейчас слышать, но она права.

Кассандра встаёт первой, я – следом, на ходу оценивая её прикид. В этой пижаме она выглядит непривычно уютной и домашней, а странная причёска делает её непохожей на рафинированных одноклассниц, не выпускающих зеркал из своих рук. Если с аккуратной косой Кэсси выглядит, как прилежная прихожанка церкви, то с этим хипповым пучком – как сексуальная спортсменка после небольшой разминки. Ловлю её смущённый взгляд из-под опущенных ресниц, и моё эго мигом раздувается до размера этого отеля, ведь его причиной стал я.

– Так, рассаживаемся в круг и слушаем правила! – ораторствует Том Миллиган, тоже мой сосед по комнате. – Свет не включать, пить нельзя, есть можно. Джаз уже отдыхает в джакузи. Будильник заведён, поэтому по моему сигналу все расходимся по своим номерам. Того, кто ослушается и подставит всю команду, ждёт очень жёсткий штраф.

– А если наш Пифагор вернётся раньше? – О, даже наша скромняга Линда здесь.

– Спокуха! В случае чего меня предупредят. Ну что? За свободу?

– За свободу! – раздаётся хор громкого шёпота, сопровождаемый звоном бутылок, столкнувшихся в центре круга.

Кассандра

Не понимаю, как так вышло, но постепенно меня оттеснили от Брайана. Стоило ему отойти, чтобы притащить снеки или очередную бутылку пива, на его место обязательно кто-то садился. В итоге, я оказываюсь зажатой между двумя девчонками. Случайно или нет, но то, что именно они – лучшие подруги Моники, навевает мысли о какой-то подставе. Не будет же Брайан силой оттаскивать их от меня, чтобы сесть рядом? Это глупо. Поэтому продолжаю сидеть с непринуждённым видом, скрестив ноги.

Чтобы не выбиваться из стаи, смеюсь в тех местах, в которых смеются остальные, хотя мне и не смешно, отвечаю, если задают вопрос, хотя лучше бы промолчала, тостую, когда очередь доходит до меня, хотя терпеть не могу пафосные речи. Притворство – всего одно слово, которое характеризует меня сейчас в полной мере. Умом понимаю, что такая позиция ведёт в никуда, но поделаться с собой ничего не могу: ради Брайана, ради его репутации я готова переступить через себя.

Спиртное ненавижу по понятным причинам, поэтому я только делаю вид, что пью, периодически прикладывая губами к горлышку. Время от времени мой взгляд возвращается к Брайану, которому, похоже, и без меня очень весело. Он сидит между Круз и О’Доннеллом, уххатываясь над их шутками, словно забыв о моём существовании. Стоит ли упоминать, что я уже пожалела о том, что пришла сюда? Мне не место среди них. Пусть мы с Кроу и не озвучивали то, что происходит между нами, но мне казалось, что я для него значу гораздо больше, чем любой предмет мебели в этой комнате. Но, судя по его поведению, мне всё это привиделось.

– Ну что, братья и сёстры, созрели для игр? – весельчак Том – негласный массовик-затейник в школе. Как видно, он и здесь решил не изменять себе.

Наша компания начинает радостно галдеть, на что он грозно шикает, приложив палец к губам. Да уж... Большинство достигло той стадии, когда сложно контролировать громкость голоса.

– Две правды, одна ложь, – со злорадной ухмылкой продолжает наш «ведущий». – Для тех, кто не в курсе: каждый говорит о себе два правдивых факта и один – выдуманный. Остальные пытаются угадать ложь. Каждый угадавший получает один балл. Я начну!

Потерев ладони, Том выдаёт:

– Я умею садиться на шпагат, мой любимый напиток... – он многозначительно поднимает свою бутылку вверх, – пиво, а ещё я люблю спать в чём мать родила.

Все начинают смеяться. Если честно, мне самой становится смешно, потому что все факты о Томе похожи на правду несмотря на то, что я его знаю не так хорошо, как остальные. Мне известно, что он сын какого-то звёздного адвоката, но, надо отдать должное, он никогда не кичился этим. Этакий рубаха-парень.

– Какого хрена, Том? Мы с тобой сегодня спим в одном номере! Клянусь, если третий факт – правда, ты спишь у Джобса! – гогочет Дэн. – Поэтому ставлю на то, что именно это ложь.

– А я бы посмотрел, как ты садишься на шпагат, – хмыкает Брайан, а потом добавляет: – Но это неправда.

Мнения толпы разделились. Том усердно отмечал варианты всех собравшихся, не забывая при этом посмеиваться. Когда наступает мой ход, выпаливаю:

– Пиво, конечно, ты пьёшь, но это однозначно не твой любимый напиток.

– Да ну? – он делает смачный глоток из бутылки в опровержение моей догадки.

– Да, как только я сюда пришла, ты как раз расставлял выпивку на столе, внимательно изучая этикетки, как будто ожидал увидеть что-то другое.

– Так я просто состав изучал!

– Ну да, и при этом морщился от разочарования. Факт о пиве – ложь, – ухмыляюсь, потому что уверена в своей правоте.

– А третий факт видеть не желаешь, значит?

– Думаю, его оценит мистер Джобс.

– А мне нравится твой дерзкий язычок, – прыскает Том.

В этот момент Брайан с грохотом ставит свою бутылку на пол, отчего часть пива из неё выплёскивается Монике на ноги. Её тихое возмущение я слышу довольно чётко.

– Миллиган, – с нажимом говорит Кроу, – играть в игру имени тебя, конечно, забавно, но давай уже раскрывайся.

– Ну что ж. Я люблю... Просто обожаю пи... – Том прерывается и, обведя нас всех загадочным взглядом, наконец, договаривает: – пить джин-тоник! Кассандра единственная угадала, чёрт возьми, и к ней переходит ход вне очереди. – Подмигнув мне, Миллиган под всеобщее ржание демонстративно садится на продольный шпагат.

Градус моего настроения немного повышается. И я пока не решила, что послужило этому причиной: реакция Брайана или то, что я оказалось правой. Будет интересно обвести их всех вокруг пальца. Уверена, многие удивятся.

– Я занимаюсь сёрфингом, варю отличный кофе и умею метать ножи, – я и бровью не ведаю, пока перечисляю.

Дэн присвистывает, а остальные как-то странно на меня поглядывают, будто видят впервые. Влево не смотрю, но взгляд Кроу ощущается сейчас на моём лице, как красная точка снайперской винтовки.

– Тут точно две правды, а не одна? – ехидно интересуется Моника.

– Точно. Но первая голосует Сюзан, – киваю на одноклассницу, сидящую перед ней.

– Сёрфинг – ложь.

– Поддерживаю, – говорит Круз. – Только одна доска для сёрфинга стоит, как сто пар её школьных туфель.

Её. Говорит так, словно меня тут и нет.

В номере становится тихо. Все угрожающе взирают на эту красивую брюнетку с гнилой душонкой. С чего бы им за меня заступаться?

– Моника, – цедит Брайан предупреждающим тоном.

– Что я такого сказала? Всего лишь правду.

– Правда в том, что она как раз занимается сёрфингом, – отвечает он ей.

Моя бровь приподнимается от удивления, но молчу. Интересно, с чего он это взял? Я никогда и никому не говорила о своём тайном хобби.

– Аргументы? – вставляет наш аниматор Том.

– Загар, – Брайан смотрит в мои глаза, слегка прищурившись. – На её бёдрах слабая полоска от гидрошорт. Типично для сёрферов.

Непроизвольно оттягиваю ткань своих пижамных шортиков вниз, чем, собственно, и выдаю себя. Как он смог что-то рассмотреть в полутёмной комнате?

– И что же тогда ложь? – парирую я, пока не подтверждая его домыслы.

– Кофе ты варить не умеешь.

– Обоснуй.

Бросив на меня повеселевший взгляд, парень встаёт со своей подушки и подходит к столу, с которого берёт нож. Мне становится трудно дышать, так как понимаю, к чему это всё ведёт: он решил пойти методом исключения. Брайан слегка проводит большим пальцем по лезвию, оценивая степень заточки, а затем поступью хищного зверя приближается ко мне и подаёт руку в молчаливом приглашении. Он хочет проверить, как далеко я готова зайти?

«Уже зашла, Брайан. А вот на что готов ты?» – мысленно задаю этот вопрос, когда вкладываю свою ладонь в его.

– Ты спятил, Кроу? Она же пьяна! – взвизгивает Моника.

Парни одёргивают её, призывая помалкивать, а девчонки в ужасе прикрывают рты ладонями. На моём лице наверняка написана растерянность, но не от того, что мне страшно, а от того, что не ожидала от Кроу такого абсолютного доверия мне. Он не боится, что я промахнусь?

– На какое расстояние мне отойти? – шепчет.

– Вставай к стене, я сама отойду, – шепчу в ответ, задевая губами мочку его уха. Подмечаю, что от него совсем не пахнет пивом. *Тот же прикидывался, как и я?*

Брайан отходит к стене и, расслабленно убрал руки в карманы штанов, замирает в ожидании моих действий.

– Давайте хотя бы свет включим! – не унимается запаниковавшая Моника.

Сердце неприятно ёкает. Она ведь и вправду к нему равнодушна... Ребята шустро сдвигаются в кучку, освобождая пространство для метания. Отхожу в другой конец комнаты на расстояние около пяти метров от Брайана, рассчитывая количество оборотов, которое успеет совершить нож. В его взгляде плещется нескрываемая уверенность, которая ни с того ни с сего начинает подавлять мою. Что, если рука дрогнет? Что, если что-то пойдёт не так? Одно дело – метиться в мишень, и совсем другое – в живую цель. Нет, не так: в человека, которого боюсь даже ранить, не то, что убить. Он слегка кивает мне с одобрительной улыбкой на лице. Как только встаю в подготовительную стойку, вмешивается О’Доннелл:

– Так, всё. Сандра, мы все поверили. Правда, ребят?

Они дружно поддакивают, наверняка не желая становиться свидетелями убийства. Все они сомневаются в благополучном исходе, кроме одного человека.

– Нет. Пусть кидает, – выносит свой жёсткий приговор Кроу. – Кэсси, давай! – поторапливает меня.

Берусь за прохладное лезвие, располагая пальцы по обе стороны. Смотрю последний раз в его глаза, которые сейчас будто сверкают в отблеске света. Секунда. Глубокий вдох. И на выдохе совершаю резкий выпад, одновременно выбрасывая клинок вперёд. Тишина разрезается глухим ударом ножа, вошедшим в деревянную обшивку аккурат над кончиками волос Брайана.

– Чтoб. Я. Сдох. – Дэн оживает первым.

Все остальные затаили дыхание, готовясь к печальной развязке. Станные люди. Неужели я стала бы так рисковать, не будь у меня подготовки? Специальный метательный нож однажды забыл у нас очередной собутыльник отца, и я стала тренироваться. Сначала по меткам на стене,

а потом и по нарисованной мной карикатуре на Шейна. Злость плюс обида – в сумме самый лучший мотиватор, чтобы поднатореть в таком навыке.

Молча подхожу к самому смелому парню в моей жизни. Все шесть шагов до него мы смотрим друг на друга, не отрываясь, и, что странно, в его глазах я чётко вижу восхищение. Всё, что испытываю в этот момент я, это облегчение. Поравнявшись с Кроу, тянусь к рукоятке, но он перехватывает мою руку и, чуть склонившись к моему уху, едва слышно произносит:

- Наконец-то ты показала себя. Будь всегда такой.
- Какой?
- С собой.

ГЛАВА 7 ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ – ГРУСТНЫЙ ПРАЗДНИК

Кассандра

Уроки испанского стали моей любимой частью дня, потому что в эти часы я могу вдоволь насладиться вниманием Брайана, предназначенным только мне одной. В школе рядом с ним постоянно кто-то есть. Он всё время кому-то и зачем-то нужен: то помочь с заданием, то сходить в библиотеку, то помочь принести какую-нибудь аппаратуру. Я уже молчу про наших немощных одноклассниц, которые его вечно одолевают просьбами, особенно когда он оказывается вблизи меня.

А ещё, после поездки в Санта-Ану между нами что-то изменилось, и не в лучшую сторону. Меня не покидает чувство, что Брайан стал со мной более закрытым, хотя в нашей паре «колючим ёжиком» была, скорее, я. Он словно ждёт от меня каких-то слов или действий, но каких? Читать мысли я пока не научилась, поэтому смиренно жду от него малейшего знака, по которому я смогла бы понять, что происходит. Может, он разочаровался во мне? Или после той сцены в моём доме первоначальная симпатия превратилась в жалость? Или он и вовсе хочет прекратить наши занятия, но, опять же, из жалости не решается сказать об этом?

Никогда не замечала за собой эгоизма, но с появлением этого парня в моей жизни всё перевернулось с ног на голову. Он настолько избаловал меня своим вниманием, что теперь его отсутствие ощущается так, будто я стою без одежды посреди оживлённой улицы. Я хочу, чтобы он смотрел только на меня, улыбался только мне, касался только меня.

– Брайан, зачем тебе испанский? – спрашиваю напрямик, потому что уже начинаю замерзать от его отстранённого поведения. Я сижу за столом, а он предпочёл остаться на своей кровати, выполняя письменное задание прямо на коленке.

Кроу поднимает на меня взгляд исподлобья и отвечает так, будто у него уже заранее был заготовлен дежурный ответ:

– Знание любого иностранного языка тренирует память, самодисциплину и концентрацию.

В его тоне нет привычной ироничности и весёлости, которой он поначалу пытался меня очаровать, и мне становится ещё тоскливее.

– Вот именно. Любого. Так почему испанский?

– Он считается одним из самых простых языков, – устало пожимает плечами.

– Который, как известно, можно выучить самостоятельно, – добавляю я, нахмурившись.

«*И который ты выучил, зазнайка*», – тоже хочется сказать, но молчу, иначе после моего раскисания у нас совсем не будет поводов для встреч.

– Можно, но не хочу, – немного помедлив, отвечает Брайан. – Ничто не заменит общения с носителем языка.

Не могу сдержать улыбку, потому что он сейчас мог воспользоваться моментом и прекратить оплачивать ненужные ему уроки, но не сделал этого. А это значит одно: моё присутствие здесь ему нужно. Несмотря на то, что губы Кроу плотно сомкнуты и ничем не выдают приподнятого настроения, в его глазах пляшут задорные огоньки, будто ему известна какая-то истина, которую мне только предстоит постичь. Мы продолжаем в молчании изучать друг друга, пока не раздаётся стук в дверь.

– Да? – громко спрашивает Брайан, не отрывая от меня взгляда.

– Спускайтесь на ужин, – зовёт нас приглушённый голос Эллисон.

Какая всё-таки тактичная женщина! Она даже не пыталась подёргать за ручку или без спроса открыть дверь. Лишнее подтверждение того, что взаимоотношения в их семье построены на доверии и уважении.

Брайан встаёт с места и с гордым видом протягивает мне лист с заданиями, сложенный пополам. Убираю его в сумку, чтобы, как обычно, проверить дома, и, наспех побросав сверху свои письменные принадлежности и тетради, иду вслед за ним в столовую, откуда доносятся потрясающие ароматы.

К моему удивлению, сегодня с нами и Норман Кроу. Мы с ним уже успели познакомиться, когда он привозил ключи от квартиры, в которой мы сейчас временно проживаем с моей мамой. Мистер Кроу приветствует меня располагающей улыбкой, от которой я тушуюсь. До сих пор никак не могу привыкнуть к такой душевности, по сути, посторонних людей, но изо всех сил стараюсь соответствовать им и не быть букой, поэтому тоже искренне улыбаюсь ему.

Эллисон, которая попросила называть её по имени, и Глория тоже уже сидят за столом. Эта красотка – точная копия своего отца. А я-то думала, в кого она такая кудрявая! У Нормана тоже выющиеся волосы, но, если судить по укороченной стрижке, он этот факт тщательно пытается скрыть. А ещё он невероятно привлекательный, статный и подтянутый мужчина. Видимо, человек, красивый внутренне, не может быть некрасив внешне.

Мы с Брайаном садимся рядом друг с другом по правую сторону от Глории, которая на правах главной принцессы дома восседает во главе стола. Смущённо отвожу взгляд, когда в благодарность за налитый сок Норман нежно целует в щёку свою жену, приобнимая её за плечи. Отсутствие всякого стеснения при проявлении своих чувств на людях, похоже, у них семейное. Кошусь на своего соседа, невольно вспоминая то, как он обнимал меня в отеле Санта-Аны на глазах почти у всего класса, и в очередной раз задаюсь вопросом: «Что я сделала не так?» Что криминального в моих попытках стать частью их компании? И почему рядом с ним я становлюсь такой трусихой, не способной задать все эти вопросы напрямую?

– Ну что, за Макса? – мистер Кроу радостно поднимает свой стакан вверх, призывая остальных сделать то же самое.

– За Макса! – ладным хором повторяют остальные.

В растерянности беру свой сок тоже и ударяюсь своим бокалом поочерёдно об бокалы каждого из них. У их старшего сына день рождения? А ведь и правда, на столике в углу столовой замечаю домашний торт со свечами, на столе праздничная индейка с запечённым картофелем, фигурно нарезанные овощи и фрукты. Мне казалось, что это семейство меня уже не сможет удивить, но от этой атмосферы, многократно усиливаемой моим меланхоличным настроением, на глаза наворачиваются слёзы. Подумать только, они празднуют день рождения Макса так, словно он здесь, рядом с ними, а не в зоне боевых действий за тысячи километров.

Эллисон прячет глаза, бросив взгляд на свободный стул, и мне становится так горестно за этих людей. Не могу представить, что чувствует мать, каждую секунду ожидающая звонка и хорошей вести, каждую минуту думающая о своём ребёнке, каждый час вспоминающая дорогие сердцу семейные события и каждый день ожидающая увидеть сына на пороге дома... Она резко встаёт со стула и принимается за разрезание индейки. Норман тоже поднимается и, обняв её за талию одной рукой, что-то шепчет на ухо. Эллисон заливается румянцем и бросает предупреждающий взгляд на своего мужа.

– Кассандра, а когда у тебя день рождения? – интересуется Глория.

– Двадцать четвёртого декабря.

И тишина. Три пары глаз странно смотрят на меня несколько секунд, а потом девчонка восклицает:

– Я же говорила, что она – твоя судьба! Говорила, а? – хохочет, пихая брата в плечо. Тот, не обращая внимания на сестру, уточняет у меня с восторженным удивлением:

– Серьёзно? Ты тоже родилась на Рождество, как и я?

– И родились они в один день, – копируя мужской бас, Глория продолжает вещать на фоне, а меня накрывает странное чувство. Что-то похожее я испытывала в тот день, когда

соединились наши ладони. Чувство родства и необъяснимой близости с этим человеком. Как так может быть, что из трёхсот шестидесяти пяти дней в году мы с ним выбрали один на двоих?

– Лишь бы не умерли, – хмыкает Брайан, отпивая из своего бокала, а потом поспешно переводит разговор на другую тему: – Тебе положить вон те невкусные шарики? – Чуть склонив ко мне голову, он пальцем показывает на тарелку с какой-то нераспознаваемой закуской, чем-то похожей на крохотные кусочки мяса под шапочкой сыра.

– Давно мечтала попробовать что-нибудь невкусное, – подыгрываю ему шёпотом, потому что чую явный подвох.

– Кассандра, не обращай внимания на этого наглеца, – осаждаю своего сына Норман, весело посмеиваясь. – Он просто хочет, чтобы ему досталось побольше. – И выкладывает на мою тарелку несколько шариков, которые оказываются фаршированными шампиньонами. Ни разу не пробовала ничего подобного, но от одного вида у меня уже слюнки текут.

Брайан, будто прочитав мои мысли, без лишних слов ворует у меня один и махом закидывает в рот, нагло улыбаясь. Не понимаю, он снова стал прежним или мне это только кажется?

– Сынок, дай девочке поесть нормально, – укоряет его мать, которая между делом добавляет мне в тарелку довольно большой кусок индейки и картофель. Они решили меня откормить на убой?

– Привыкай, теперь тебя не выпустят из-за стола, пока не съешь всё! – добавляет Глория, со смехом надувая свой живот.

Вся эта ситуация разряжает обстановку, и я даже немного расслабляюсь, но, когда все приступают к ужину, я вдруг вспоминаю, что совершенно не умею орудовать ножом и вилкой. Делаю вид, что этикету за столом я научилась с пелёнок, и, молясь о том, чтобы у меня всё вышло с первого раза, начинаю пилить индейку. У меня получается ужасно, потому что она елззит по тарелке, норовя катапультировать в чью-нибудь сторону. В тишине столовой этот натужный скрежет столовых приборов звучит, как расстроенная скрипка. Я попеременно то краснею, то бледнею от того, чтоставляю себя бескультурной невеждой.

– Кто придумал эти ножи, а? – Брайан откладывает свой нож в сторону и, воткнув вилку в свой кусок, откусывает прямо от него, прикрывая глаза от блаженства. – Мам, отпад! – поднимает большой палец вверх, не прекращая жевать.

Эллисон просто подмигивает ему, довольно улыбаясь, и тоже убирает свой нож в сторону.

– А что, так можно было? – обрадованная Глория хватается ножку индейки прямо пальцами и вгрызается в её сочную мякоть.

Мистер Кроу так вообще удивил: повторил за дочерью, словно только и ждал этой команды. Мне бы сейчас засмущаться, ведь я прекрасно понимаю, *что* все они сейчас делают, но внезапно мне становится настолько тепло и спокойно, настолько комфортно и хорошо, что самое меньшее, что я могу сделать для этой семьи – это перестать, в конце концов, смущаться, и быть просто благодарной.

Быть просто собой.

Кажется, именно этого хотел Брайан.

ГЛАВА 8 ОРЁЛ И ЯСТРЕБ

Брайан

Джеб-джеб-кросс. Джеб-хук-хук. Апперкот⁴. Без остановки наношу выверенные комбинации ударов по груше, полностью сосредоточившись на технике. Лёгкие горят, мышцы всего тела напряжены, пот застилает глаза, но я продолжаю бить по кожаному мешку, пока не начинает саднить кожа пальцев. Обожаю боксировать, защитив кисти только специальными бинтами. Пухлые перчатки для меня – всё равно что секс в презервативе. Вроде нравится, но кайф совсем не тот. Правда, другого я и не пробовал, но что-то мне подсказывает, что это так и есть.

Чёртовы гормоны. Чем бы я не занимался, как бы не пытался себя отвлекать, мои мысли так или иначе сводятся к Кассандре. Мне до ломоты в теле хочется встряхнуть из неё всю ту чушь, о которой она думает.

Всё началось с нашей тусовки в Санта-Ане. Ей достаточно было сказать всего три слова: «Давай уйдём отсюда?», чтобы я не начал разочаровываться. Я же видел, как она вымучивала из себя улыбки, как ей претили все эти полупьяные разговоры на пошлые темы, как она была недовольна тем, что я сижу не рядом.

И ничего не сделала, чтобы изменить это.

Я догадываюсь, почему.

Хочет вылепить из себя то, что хотят видеть окружающие, а не то, кем она желает быть сама. Меня с самого начала покорили именно её свободомыслие и независимость от чужого мнения. Мне казалось, что в этом плане мы с ней одинаковые. Жизнь одна, и я хочу прожить её в угоду себе, а не окружающим. Так что вдруг произошло? Кому она пытается угодить? Мне? Терпеть не могу лицемерие ни в каком проявлении.

Никогда не любил разгадывать ребусы, и я – не патологоанатом, чтобы ковыряться в чьей-то голове в поисках истины. Со мной всё просто: да – это да, а нет – это нет. К чему сложности?

И если бы Кэсси меня чувствовала так, как чувствую её я, то поняла бы, что я хочу добиться от неё открытости и честности. Знаю, что тоже нравлюсь ей, так почему она воротит свой красивый нос вместо того, чтобы показать мне это? Надеюсь, после вчерашнего ужина моя гордая птичка хоть что-то да поняла. Даю ей пару дней, а потом... Потом придётся брать эту крепость штурмом. Видит Бог, я стараюсь быть терпеливым, чтобы не спугнуть Кассандру. Не дурак. Понимаю, что у её зажатости есть корни. Витиеватые, проросшие в самую глубь, но их можно обрубить. Я лишь хотел сделать это *вместе* с ней, а не в одиночку.

– Кроу, брейк⁵! – мой тренер фиксирует мешок с обратной стороны, призывая остановиться. – Груша уже дымится!

Ухмыльнувшись, отступаю назад, чтобы перевести дух и снять бинты с запястий. На фоне долбит тяжёлый рок, заглушающий шумные выдохи и выкрики спортсменов. Места для выплеска негатива лучше не придумашь. Пожав руку тренеру, машу парням на прощание и сразу отправляюсь в душ.

Мне предстоит бессонная ночь за новым проектом: заказчик попросил написать программные алгоритмы для новой системы умного дома. А ведь всё началось лет с шести, когда отец подарил мне программируемый конструктор. Теперь коды и языки Python, C и Java ⁶

⁴ Виды ударов в боксе.

⁵ Брейк – команда в боксе, призывающая остановить борьбу.

⁶ Языки программирования

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.